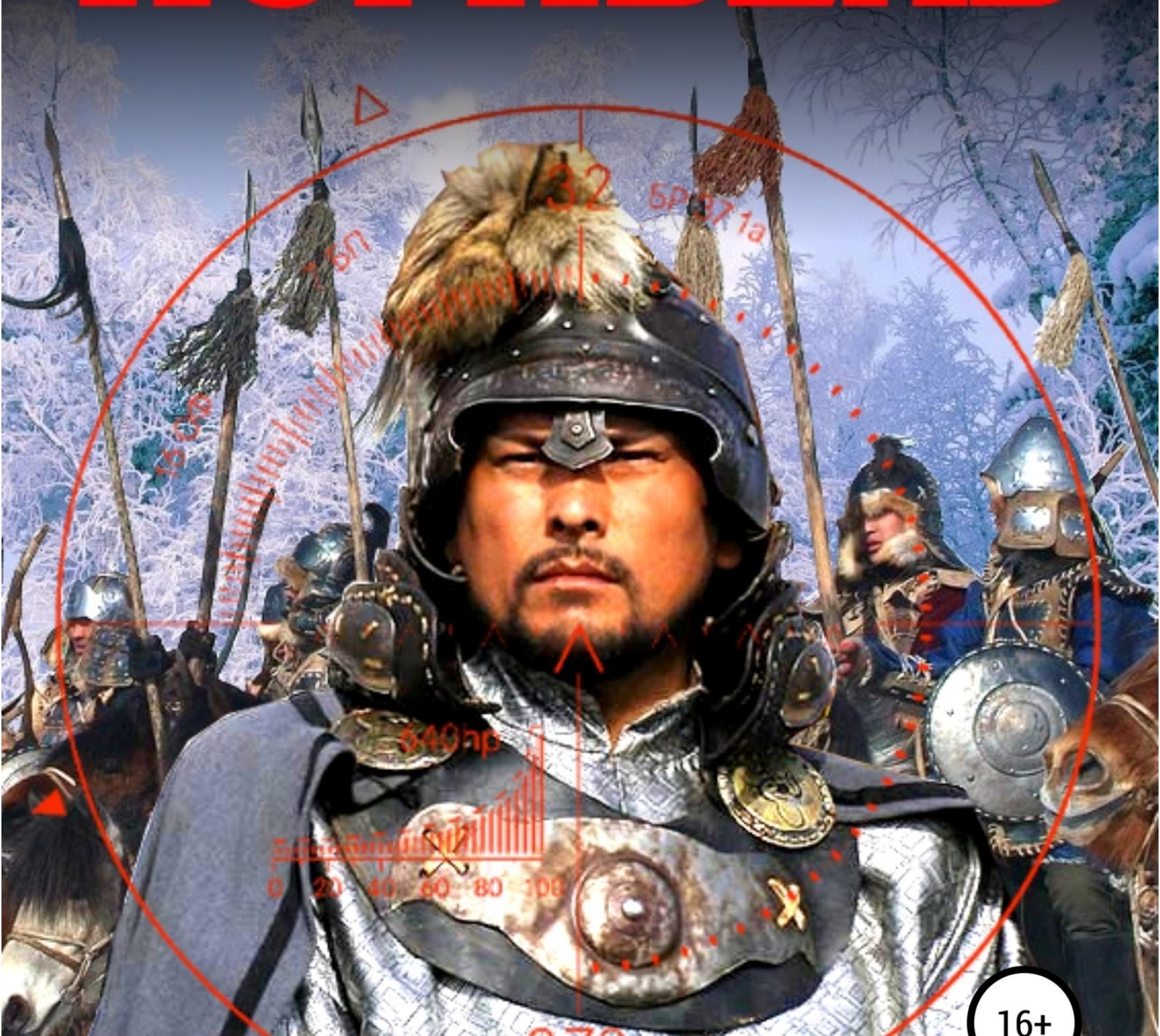

Александр Михайловский
Юлия Маркова

БАТЬЕВА ПОГИБЕЛЬ

16+

В закоулках Мироздания - 6

Юлия Маркова
Батыева погибель

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Маркова Ю. В.

Батыева погибель / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-1078-6

Гибель и разорение грозят раздробленной на удельные княжества Древней Руси. Еще немного - и русские города будут один за другим падать под натиском Батыевой орды. Но внезапно у монголов появляется могущественный и таинственный враг, и теперь уже они терпят поражение за поражением. Хана Батыя ждет жестокая кара, а все обездоленные найдут приют и поддержку у тех, кто несет добро и справедливость. Удастся ли Серегину выполнить главную задачу - объединить русские земли в единое и сильное государство под скипетром юного Александра Невского?

ISBN 978-5-5321-1078-6

© Маркова Ю. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 21	5
Часть 22	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть 21

17 декабря 1237 Р.Х. День шестой. Утро. Рязанское княжество

В первых числах декабря, спустя пару недель после разгрома дружин рязанских князей на реке Воронеж, многоязыкая рать Бату-хана двинулась вглубь рязанской земли, полоня и сжигая все на своем пути. Большая часть войска под командой самого Батыя и прочих царевичей-чингизидов компактной колонной направилась от места битвы на север к Рязани¹. Путь их пролегал по так называемому Половецкому полю². Авангардом в этом войске командовал храбрый Кюльхан – самый младший и любимый сын Потрясателя Вселенной Тэмучжина, а отдельными туменами командовали сам Батый и его дядя Орда-ичен; Кадан и Бури имели один тумен на двоих. Враг и ненавистник Бату-хана Гуюк состоял со своими телохранителями при штабе руководителя похода, и в самостоятельных боевых операциях не участвовал. Благодаря этому его отец Угэдэй ворчливо выговаривал потом, что в том походе Гуюк не добыл даже козлиного копытца, а только злословил в адрес своего начальника, а также зверствовал над собственными солдатами и побежденным мирным населением. Хотя по части зверств среди чингизидов ангелов не было – зверствовали все царевичи, включая Орду-ичена, считавшегося мериллом справедливости и рассудительности; и зверствовали они со вкусом, привитым им самим Чингисханом.

Одновременно с продвижением орд Бату-хана на Рязань тумены Субэдея, Шейбани и Бурундая с целью фуражировки широко рассыпались по всей рязанской земле, стараясь не пропустить ни один даже самый малый городок, крестьянскую весь русичей, мордовскую деревню или боярскую усадьбу. После разгрома русских дружин на реке Воронеж Субэдей и Бурундай совершенно не боялись разделять свои тумены не только на тысячи и сотни, но даже на десятки, ибо в ситуации, когда основная воинская сила рязанского княжества уже уничтожена, им нечего было бояться.

Впрочем, Бату-хан тоже высылал фуражиров на пятнадцать-двадцать километров по обе стороны от направления своего движения; сорокатысячная орда (если считать каждый тумен за полнокровную боевую единицу) постоянно нуждается в продовольствии, фураже и топливе для костров, которого очень мало на открытой местности. К тому же на следующий день после того, как монгольская орда пересекла границу рязанской земли и отмахала от нее примерно двадцать пять километров, погода начала портиться. Бледно-синее зимнее небо затянула белесая хмарь, завыл-засвистел ветер, а в довершение с потемневшего неба пошел густой снег, за которым ничего не было видно уже на треть полета стрелы (около 100-120 метров).

Пришлось монгольскому войску становиться лагерем, разворачивать юрты и пережидать в них непогоду. Буран ярился целых три дня и три ночи, при этом несколько отрядов, посланных в окрестные леса за топливом для очагов, так и не вернулись. И такая непогода творилась не только над Батыевым войском, но и над всей рязанской землей, частью Дикого поля, черниговского и владими́ро-суздальского княжеств.

Не только Батый, Субэдей и Бурундай с тревогой вслушивались в вой и свист неутомимого ветра. Великий князь рязанский Юрий Игоревич, а также его племянник, удельный князь Олег Игоревич, также испытывали неясное беспокойство. И даже владимирский великий князь Юрий Всеволодович, тревожась неизвестно о чем, то и дело выходил на крыльцо терема, всматриваясь в мутную даль.

¹ Имеется в виду Старая Рязань, дотла разоренная Батыем и расположенная в пятидесяти километрах от нынешней Рязани, тогда называвшейся Переяславлем-Рязанским.

² Имеется в виду безлесное пространство в водоразделе верховьев Дона и Оки, степной коридор шириной 50-60 километров между двумя лесными массивами, расположенными западнее и восточнее этого Половецкого поля.

Хотя уж для русских князей воевода Буран был самым верным и надежным союзником. Через три дня ветер стих, а потом унялся и снегопад, напоследок присыпавший землю мягким и пушистым снежком. Утром четырнадцатого числа взошло солнце, и монгольские темники во главе с Бату-ханом, а также русские князья, увидели, что вся земля окрест усыпана огромными непролазными сугробами, в которых лошадь вязнет по брюхо, а человек по грудь. За трое суток на землю выпала почти трехмесячная норма осадков, и это значило, что весной быть ужасному наводнению, когда вся земля превратится в одно сплошное озеро с разбросанными по нему холмами-островами, на некоторых из которых будут стоять города.

К тому же у незваных гостей этой земли, которых позже нарекут татарами или татаро-монголами, случилась еще одна незадача. Во всех туменах невесть куда исчез тот немногочисленный полон, который темники Бату-хана набрали по редким приграничным деревенькам и вескам, а воины, которые охраняли шатры с молодыми девками и крепкими парнями, оказались убиты самым беспощадным образом. Полон – это ведь не только говорящее имущество, предмет торговли с китайскими и уйгурскими купцами, следующими за войском. В первую очередь, это стратегический ресурс, которому предстоит строить метательные машины для осады укрепленных городов, натягивать тугие ворота пороков, подносить к ним камни, под выстрелами со стен и потоками льющейся смолы и кипятка раскачивать тяжелые бревна таранов, а также в первых рядах идти на штурм обледенелых валов, чтобы не лилась понапрасну драгоценная монгольская кровь. А теперь все – полон йок, и исполнение своих планов Бату-хану и его темникам надо начинать сначала.

Правда, в тумене Субэдея двое воинов-кипчаков из числа тех, что охраняли полон, не пали под ударами неведомых похитителей, а откатились в сугробы и замерли там, притворившись мертвыми. Они и рассказали, что на них напали одетые во все белое плечистые мангусы ростом в полтора раза выше нормального человека; они-то, эти ужасные создания, и порубили на куски несчастных охранников своими длинными мечами, после чего увели полон в свое подземное царство. Разозлился тогда Субэдей, назвал выживших хитрецов трусами, которым любой враг кажется неодолимо могучим, и повелел казнить их, зарубив саблей (конечно, лучше было бы сварить этих трусов живьем в котлах, но для этого на таком морозе требовалось слишком много дров).

Некоторое время спустя он опомнился и приказал снова привести к себе выживших для повторного допроса, но, как оказалось, приговор уже успели привести в исполнение, и теперь допрашивать духов этих трусов должен был шаман-кам, говорящий с духами мертвых, а это очень ненадежный дознаватель. Шамана все-таки позвали, и тот битый час скакал козлом с бубном вокруг костра, а потом возвестил, что пришла могучая и безжалостная сила, от которой все монголы и татары будут плакать горючими слезами. И необычный буран, и пришедшие за душами полона злые мангусы, и даже пропавшие безвестно фуражиры – все это следствие той неведомой и ужасной силы. И бог войны Сульде уже не едет незримо на белом жеребце под девятихвостым бунчуком рядом с Бату-ханом, а стоит ныне на стороне этой неведомой силы. Субэдей хотел было шамана тоже казнить за паникерство, однако передумал. Вот когда найдут пропавших фуражиров и выяснится, что они просто замерзли, заметенные снегом, то тогда шаман – паникер и шарлатан, и посему подлежит казни. А если же они не замерзли, а были убиты то дело и вправду нечисто, и шаман может еще малость пожить на этом свете, прежде чем попадет в загробный мир.

Ага, как же, замерзли – держи карман шире. Два обнаруженных десятка фуражиров оказались изрубленными точно так же, как и охранники полона. Опытные воины сказали, что удары саблей – или, скорее, прямым мечом – шли исключительно сверху; и это при том, что в момент нападения фуражиры сидели в седлах. Поневоле можно поверить в огромных, верхом на гигантских конях, мангусов, рубящих вмах несчастных мелких кипчаков и монгол. При этом сила некоторых ударов была такова, что воинов Бату-хана разрубало от макушки до седалища,

вместе с седлом и конским хребтом. Субэдей был старым, многое повидавшим воином, но даже ему становилось жутковато при мысли о такой силище. Все понимали, что нечто подобное должно было случиться и с другими пропавшими в урусутских лесах фуражирами, только их тела пока не нашли. По войску, как эпидемия гриппа, начали ходить страшные истории о бесшумных как призраки огромных всадниках на белых конях, которые легко передвигаются по любым буреломам или заносам, потому что копыта их коней, не касаясь земли, ступают прямо по воздуху. И невольно содрогались от мистического ужаса суеверные монголы и кипчаки, боевой дух которых дрогнул перед осознанием могущества этого неведомого загадочного противника.

Впрочем, кони кипчаков и монгол ходить по воздуху не умели, а это значило, что у их хозяев намечаются большие проблемы. Во-первых – буран отнял у Бату-хана и его темников целых три дня. Во-вторых – он сильно ухудшил проходимость дорожных путей (в качестве которых Бату-хан и Субэдей планировали использовать покрытые льдом реки), из-за чего планы зимней кампании против северных княжеств находились под угрозой срыва. Путь для монгольской армии приходилось даже не протаптывать, как это обычно делается в зимний период, а буквально прорывать среди снега, создавая ров с высокими снежными валами по обеим сторонам. Вот бы где пригодились русские полоняники; но их-то мангусы увели в первую очередь, и пришлось соратникам Потрясателя Вселенной самим браться за широкие деревянные лопаты.

При этом монгольские кони из-за глубины снежного покрова потеряли возможность добывать из-под снега прошлогоднюю траву, и их единственным кормом стал конфискуемый в местных селениях фураж. А ведь до них, до селений, надо было еще добраться, и при этом не стать жертвой коварных мангусов, поджидающих несчастных кипчаков и монгол буквально за каждым деревом. Не зря же они наслали на них такой ужасный снегопад и метель – не иначе хотели, чтобы воины Бату-хана вышли из себя и начали от голода и бескормицы междуусобные склоки и ссоры. Из-за особо трудных условий передвижения орда едва ползла. Вместо перехода в тридцать километров в сутки воинство делало семь-восемь километров, и к истокам реки Рановы (притока Прони) вместо двух дней ползло неделю.

Замерзшие зимой реки имели большое значение. Поскольку первые нормальные дороги появятся в этих краях только лет сто спустя (и то стараниями ордынских баскаков), то в качестве средств коммуникации использовались реки. Летом по ним плавали на ладьях, а зимой использовали в качестве санного пути. Если двинуться вниз по течению Рановы, то попадешь к месту ее слияния с Проней, а уже сама Проня впадает в Оку совсем недалеко от Старой Рязани – можно сказать, что там просто рукой подать. Сиди себе в санях, глазей по сторонам на проплывающие мимо по обеим берегам реки вековые боры и изредка попадающиеся на пригорках небольшие деревеньки (половодья-с). Только вот путь этот крайне извилист и в несколько раз длиннее, чем просто проехать по дороге, соединяющей между собой два населенных пункта. А еще среди этих речных меандров легко устраивать засады и готовить прочие неприятности незваным гостям. Ведь и воевали тут зимой тоже на речном льду...

Тем временем потеплело, но захватчикам от этого легче не стало. Днем под ярким солнцем поверхность снега слегка оттаивала, а ночью этот влажный снег смерзался в ледяную корку, режущую не хуже битого стекла. Бату-хан шипел, плевался и всякими другими путями выражал свою ярость, но ускорить движение своего войска не мог. Будто сама эта лесистая и болотистая земля, противная любому честному монголу, тысячами рук хватала за ноги коней и людей, не давая им двигаться дальше. На подходах к истокам Рановы войско Бату-хана среди белого дня воочию увидело своих первых мангусов.

Три сотни³ одетых во все белое всадников на высоких конях, едва касающихся копытами поверхности сугробов, бесшумно проехали на виду всего войска вне досягаемости дальности действия монгольских луков. Призрачная рать выглядела грозно и внушала трепет – странные существа непостижимым образом внезапно появились неизвестно откуда, явно собираясь внести существенные коррективы в планы завоевателей. Бату-хан сам увидел их воочию и, будучи неплохим наездником, понял, что даже летом, на поверхности гладкой как стол степи, мощные и длинноногие кони мангусов шутя ушли бы от маленьких лохматых монгольских лошадок. Оценил он и рослые плечистые фигуры чужих воинов, а также их длинные мускулистые руки, под стать которым были и висевшие у седел длинные прямые палаши. Прямое столкновение с мангусами, даже без учета их колдовства, тоже не сулило его воинам ничего хорошего. Им оставалось надеяться только на луки, стрелы из которых за четыреста шагов с легкостью пробивали панцирного всадника; но вскоре стало ясно, что и эти надежды были тщетными.

Состоявший при нем мерзопакостный Гуюк-хан, злейший враг Бату, постоянно напоминающий о том, что в жизни не все так прекрасно, как хотелось бы, тоже вышел из своего шатра. Увидел белых всадников, он тут же принялся осыпать насмешками командующего западным походом Бату-хана, говоря о том, что тот спокойно смотрит на проезжающих мимо урусотов, как будто он не воин и хан, а старая бессильная баба.

Бату-хан, прищурив и без того узкие глаза, повернулся к беснующемуся Гуюку.

– Если ты не баба, – с предельным равнодушием в голосе сказал он, – то тогда возьми своих телохранителей и привези мне головы этих наглых урусов. В противном случае отправляйся обратно в Каракорум, чистить сапоги своему великому отцу⁴.

Гуюк-хан дураком отнюдь не был и тут же понял, насколько ловко Бату столкнул его в его же собственную ловушку, ведь этот разговор происходил в присутствии всех остальных темников, в том числе и пользовавшегося всеобщим уважением Орды-ичена, который в ответ на подначку только одобрительно покачал головой. Пришлось Гуюку под пристальными взорами присутствующих садиться на коня и, свистнув своим тургаудам-телохранителям, рукоятью камчи указать то направление, в котором им следовало атаковать и умирать. За несколько последних дней ранее мягкий и пушистый снег изрядно осел и уплотнился, но все равно коротконогие мохнатые кони проваливались в него по колено, а иногда и глубже, из-за чего были вынуждены идти в атаку шагом, как ни понукали их к галопу горячие степные всадники.

– Дурацкое занятие, – вполголоса заметил Орда-ичен, – от такой атаки, наверное, увернулась бы и стельная корова.

Но белые мангусы не стали уворачиваться. Увидев такую экзотическую атаку монгольских⁵ джигитов, они развернулись навстречу им, встав в две линии – тяжеловооруженные в центре, легко экипированные на флангах. Правда, с того расстояния, которого на них смотрели Бату-хан и его темники, не было видно никакой разницы в экипировке под белыми маскировочными балахонами всадниц и такими же попонами их лошадей.

Шагов с четырехсот отчаянно понукающие своих лошадей телохранители Гуюка взялись за луки – и воздух загудел от множества стрел, летящих в белые призрачные силуэты, стоящие, казалось, на границе земли и неба. Бату-хану – впрочем, как и иным присутствующим – захотелось протереть глаза, потому что стрелы, пущенные опытной и сильной рукой настоящих монгольских воинов, словно растворялись в воздухе, не попадая никуда, и ни один белый

³ Один рейтарский и два уланских эскадрона бойцовых лилиток основного состава.

⁴ Угэдей, отец Гуюка, был вторым сыном Чингисхана, и на тот момент являлся верховным каганом всех монголов. Должность по большей части номинальная, потому что связанность монгольской империи, раскинувшейся от Волги и Ирана на западе и до Китая и Кореи на востоке, была даже меньше, чем никакой, но моральный авторитет Великий каган пока что имел весьма значительный.

⁵ В личной охране у царевичей-чингизидов служили только чистокровные монголы и никогда не было разного кипчакского или туркменского сброда.

высокий силуэт не покачнулся и не рухнул в окровавленный снег. Напротив, на флангах вражеского строя частым стаккато начали раздаваться звонкие щелчки срабатывающих самострелов, и на снег начали рушиться уже монгольские джигиты, ибо летящие со страшной силой короткие тупоголовые болты насквозь прошибали тела в легких кожаных панцирях куюках и плетеных среднеазиатских байданах.

Но это было только начало. Монгольские джигиты не могли повернуть назад, ибо имели приказ атаковать, которого не смели ослушаться, а молчаливо ожидающие их приближения мангусы делали с помощью своих арбалетов так, что личная охрана Гуюка платила десятками жизней своих воинов за каждый шаг своих лошадей. Но вот один из мангусов поднял к губам серебряный горн и протрубил фанфару⁶. И тут же в центре над строем мангусов затрепетало алое, как кровь, полковое знамя⁷, выпущенное из чехла, а высокие белые кони сделали свой легкий, почти невесомый шаг навстречу противнику; за ним еще, еще и еще – и вот уже белые призраки мчат в стремительном галопе, склонив вперед острия пик, горящие ледяным огнем на холодном зимнем солнце.

Встречный удар летящих будто на крыльях мангусов был страшен – и, несмотря на все свое мужество, телохранители Гуюка были опрокинуты, втоптаны в землю и изрублены длинными тяжелыми палашами. Сам темник в этой атаке уцелел. По крайней мере, наблюдавшие за боем со стороны оцепеневшие царевичи-чингизиды видели, как двое спешившихся мангусов вытащили из под конского трупа чье-то полубесчувственное тело, связали этому телу руки за спиной, после чего бросили поперек седла на круп одной из своих лошадей. И никто из других темников не дал команды своим людям ценой своей жизни попытаться выручить плененного хана, даже сам Бату-хан. По крайней мере, тела Гуюка не нашли ни среди живых, которых просто не было, ни среди мертвых – а это значило, что именно его прихватили с собой мангусы, удалившись восвояси после того боя, ставшего роковым для сына Угэдея.

– Дзе, – промолвил Орда-ичен, молча досмотревший до конца это кровавое представление, – как воевать с такими колдовскими созданиями, которые летят как птицы, над снегом, грязью или водой, и которых не берут наши стрелы, а сами они поражают наших джигитов сразу и наповал? Одно лишь счастье, что у нас целых четыре тьмы воинов, а мангусов, самое лучшее, несколько сотен – иначе они сокрушили бы нас одним могучим ударом, а не стали бы устраивать колдовство с бураном и нападать на наши мелкие отряды...

Высказанное услышали все, а невысказанное повисло в воздухе вопросом о том, стоит ли дальше продолжать поход, начавшийся с таких несчастий, и не лучше ли вернуться в низовья Дона, к своим кочевьям, охраняемым сейчас южными туменами под общим командованием Мунке-хана. Но промолчал Бату-хан в ответ на невысказанное своим старшим братом⁸, ибо из этого похода он мог вернуться либо победителем, либо покойником, потому что многочисленная родня Гуюка (и в первую очередь его отец, верховный каган Угэдей), в противном случае никогда не простят ему пленения или гибели своего сына и родича.

* * *

**28 ноября 561 Р.Х. в мире Славян, день сто пятнадцатый, Строящийся стольный град великого княжества Артании на правом берегу Днепра
Капитан Серегин Сергей Сергеевич**

⁶ Сигнал атаки в европейской кавалерии.

⁷ Полковые знамена, пошитые по образцу знамени 119-го стрелкового полка.

⁸ Орда-ичен и в самом деле был старшим братом Бату-хана, не имевшим больших властных амбиций, а потому уступившим младшему брату старшинство в улусе Джучи. Сам Орда-ичен возглавил так называемую Белую орду, чья ставка была в верховьях Иртыша, из которой потом выросло Казахское ханство, да и сам современный казахский этнос.

Итак, по большей части все написанное средневековыми хронистами относительно численности армии Батыя оказалось полным враньем. Не было у него ни пятисот тысяч воинов, как писал доминиканский монах Карпини, ни трехсот тысяч, как утверждал позже Карамзин. Сто тридцать тысяч всадников, принятых в качестве оценки в советское время, оказались наиболее близко к истине, но только надо учесть, что это войско было разделено на две, а то и на три группировки, каждая из которых вела свою независимую от других войну. Во-первых – тумены Мункэ, Берке, Бучека и Байдара, под общим руководством Мунке-хана, общей численностью от тридцати до сорока тысяч сабель, составляют южную армию и ведут войну в степях и предгорьях Кавказа с половцами и осетинами. Непосредственной угрозы Руси в данный момент они не представляют, а потому и мы их пока не трогаем. Правда, ведется та война такими же людоедскими методами, как и все войны потомков Чингисхана, а посему мы и с них однажды спросим за степь, усыпанную человеческими костями, и запустевшие осетинские города.

Другая, северная группировка, которой командует непосредственно Бату-хан, вкупе с престарелым военным гением Субэдеем, составляет от пятидесяти пяти тысяч до семидесяти тысяч воинов. Кратковременно это монгольское войско может увеличиваться почти вдвое – в основном за счет мобилизованных пленных, что составляют главную рабочую силу при обустройстве осадных лагерей, они также составляют службу метательных машин и идут впереди татарского авангарда под град камней и ливень кипятка и смолы со стен.

Тактика монголов в этом походе обычно такова. Ворвавшись в какое-то русское княжество, они сперва стремятся дать полевое сражение княжеским дружинам (редко превышающим пару тысяч бойцов), для того чтобы с помощью своего подавляющего численного превосходства полностью их разгромить и по возможности уничтожить. Потом центр войска быстро продвигается к столице, разоряет ее округу и берет хорошо укрепленный город в полевую осаду, а правое и левое крылья охватывают государство с обеих сторон, стремясь полностью его разграбить и набрать как можно больше полна. Тех, кто в полон не годится – то есть детей младше десяти, взрослых старше тридцати лет, беременных женщин, священников, монахов, а также всех, кто склонен к оказанию сопротивления – монголы убивают на месте⁹. Собранный со всей земли полон гонят к столице, после чего используют при ее штурме уже изложенным способом, ибо сами татары работать не любят и не хотят, даже на войне. После того как столица государства захвачена, в ней воцаряется грабеж и резня – точно такая же, как это было при разграблении сельской местности и мелких городов.

⁹ Вот что гласит книга «Путешествие в древнюю Рязань.» (Даркевич В. П.) Рязань: издательство «Новое время», 1993 г., стр. 245-247. Монголо-татарским войском было уничтожено подавляющее большинство жителей Рязани (Старой) и укрывшихся в городе людей. Сведения об этом, приведённые в «Повести о разорении Рязани Батыем» были подтверждены археологическими раскопками: «Систематические раскопки братских могил жертв монгольского нашествия наша экспедиция провела в 1977 – 1979 годах на подоле вблизи Оки и около бывшего усадебного дома Стерлиговых у южной околицы деревни Фатьяновка. Изучение антропологических материалов показало: из 143 вскрытых погребений большинство принадлежит мужчинам в возрасте от 30 до 40 лет и женщинам от 30 до 35 лет. Много детских захоронений, от грудных младенцев до 6 – 10 лет. Это рязанцы, которых завоеватели истребили поголовно, многих уже после взятия города. Юношей, девушек и молодых женщин, оставшихся в живых, вероятно, разделили между воинами. Найден скелет беременной женщины, убитый мужчина прижимал к груди маленького ребёнка. У части скелетов проломлены черепа, на костях следы сабельных ударов, отрублены кисти рук. Много отдельных черепов. В костях застряли наконечники стрел. Жителей городов, оказавших упорное сопротивление, ожидала жестокая расправа. За исключением ремесленников и обращённых в рабство, остальных пленных зарубали топором или обоюдоострой секирой. Массовые казни происходили методично и хладнокровно: осуждённых разделяли между сотниками, те же – поручали каждому рабу умертвить не менее десяти человек. По рассказам летописцев, после падения Рязани (Старой) мужчин, женщин и детей, монахов, монахинь и священников уничтожали огнём и мечом, распинали, поражали стрелами. Пленникам рубили головы: при раскопках А. В. Селивановым Спасского собора обнаружены скопления из 27 и 70 черепов, некоторые со следами ударов острым оружием. В братских могилах Старой Рязани погибших похоронили без гробов, в общих котлованах до 1 м глубиной, причём смерзшуюся землю разогревали кострами. Их положили по христианскому обряду – головой на запад, с руками, сложенными на груди. Скелеты лежат рядами, вплотную друг к другу, местами в два – три яруса».

Люди, творящие такое, просто не должны продолжать жить. Ни в каком качестве. Как сказал Константин Симонов: «Там, где ты его увидел, там его ты и убей». В своем зверстве Батый и его подручные переплюнули даже германских нацистов, или скажем так – Гитлер и его подручные не сумели переплюнуть монгольскую орду Батыя. Первая наша задача в этом мире – не допустить разорения русской земли кровожадными иноплеменными хищниками.

Вторая задача – пусть даже путем капитального прореживания княжеских родов, но создать предпосылки к превращению древней раздробленной Киевской Руси в единую Россию на двести лет раньше, чем это произошло в нашей истории. Желательно, чтобы у истоков династии стоял шестнадцатилетний на данный момент князь Александр Ярославич, будущий Невский.

Третья задача – раз и навсегда вбить в тупые головы, что так делать нельзя, а для того совершить рейд возмездия по Батыевым кочевьям, раскинувшимся на нижнем Дону, и изъять из этого мира семьи тех, кто ушел в великий поход к последнему морю и решил, что им можно творить любое зло. Возможно, если приплюсовать всех этих чад и домочадцев, рабов, женщин, младенцев и стариков к боеспособным мужчинам обеих – северной и южной – армий, то и получится полная численность Батыевой орды в полмиллиона человек, как о том писал маэстро Карпини. Эта цифра может выйти только так и не иначе.

Нет, мы не собираемся устраивать резни и геноцида, как это по факту в мире Славян произошло с аварами. Но и жизни в этом мире семьям тех, кто пошел грабить и жечь Русь и другие страны, тоже быть не должно. Куда мы их заберем отсюда – в мир Славян или в мир Содомы, а может, даже в мир Подвалов – не важно. Важно то, что мы не оставим женщин и детей воинов Батыевой орды на произвол тех, кто захочет прийти и отомстить им за все содеянное их мужьями, братьями и сыновьями. Такого нам не надо, мы все же не Понтий Пилат, умывающий руки каждый раз, когда где-то льется кровь.

Доказательством тому является маленькая Асаль – двенадцатилетняя аварская принцесса, одна из младших дочерей кагана Баяна, выжившая при разгроме орды и подобранная нашими людьми. Через некоторое время пребывания в нашем лагере девочка подружилась с нашим Зайчонком, после чего ее удочерила наша Анна Сергеевна. Но даже если бы она не была дочерью кагана, а была просто выжившей маленькой аварской девочкой, то мы бы все равно подобрали бы ее и обогрели. Мы не так свирепы и безжалостны, как это кажется со стороны, и с женщинами и детьми не воюем; это мир вокруг нас жесток и беспощаден, и требует не оставлять за спиной живого врага, ибо тот, кто поступает иначе, долго не живет.

А теперь по делу. Возможность отразить вторжение Батыевой орды лобовым ударом была отвергнута сразу. Сил у Бату-хана вдвое больше, чем было у Баяна, воины его победоносно с боями прошли всю Евразию, а не бежали от безжалостного врага, и к тому же, в отличие от аварских каганов, монгольские ханы имеют на службе довольно сведущих китайских и среднеазиатских инженеров, которые помогают им брать штурмом хорошо укрепленные города. Китайцам к настоящему моменту уже известен порох, а это вообще отдельная песня.

К тому же, когда порталы стали окончательно проницаемыми и мы смогли от наблюдения перейти к прямому проникновению в этот мир, то выяснилось, что приграничная битва на реке Воронеж уже произошла, дружины рязанских князей разгромлены, а татарская орда густо, как саранча в период жора, расплозается по русской земле. Первой нашей задачей было по возможности затормозить продвижение людоедов, и с этим героически сумела справиться Анастасия, трое суток простоявшая в трансе в маленькой охотничьей избушке на курьих ножках¹⁰, поддерживая свирепый затяжной циклон, прижавший татар к земле и за три дня нава-

¹⁰ Избушка на курьих ножках – это не только жилище сказочной Бабы-Яги, но еще и традиционные для болотистой местности дома, поставленные на высокие, больше метра, пни двух близ стоящих крупных сосен или елей. Делается это для того, чтобы жилье не заливалось обычными в восточной Европе весенними половодьями.

ливший на землю трехмесячную норму осадков. Все это время с ней была Птица и ее гаврики, выпаивающие медитирующую Анастасию горячим сладким чаем с травами и медом, тем самым поддерживая в ней силы для продолжения заклинания управления погодой.

Пакость удалась на славу. Когда Анастасия позволила погоде вести себя как ей вздумается, прорваться через заносы и сугробы можно было только на снегоходах или при помощи мощной снегоуборочной техники. К тому же в тот момент, когда метель уже закончилась, а снегопад все еще продолжался, нам удалось организовать налеты на монгольские полевые лагеря, и, сняв часовых, втихую изъять весь полон, который татары успели нахватать в приграничной полосе. Тихая и одновременно кровавая операция была блестяще исполнена разведчиками капитана Коломийцева и его хладнокровными как удавы прирученными амазонками, для которых воняющие козлом кипчакские и туркменские раскосые нукеры, в своих засаленных пропотевших шкурах, были худшим воплощением всего дикого и варварского. Напротив, молодые деревенские рязанцы и рязанки¹¹, которых требовалось вызывать, выглядели на их фоне эталонно «своими», тем более что о том же говорил Серегин, а его слова принявшими Призыв воспринимались как истина в последней инстанции.

Освобожденный полон направляли не в мир Славян, где тоже была зима и не было свободных отапливаемых помещений, а транзитом по постоянному каналу гнали в заброшенный город мира Содома (тридцатое царство, тридевятое государство русских сказок), где они попадали в руки наших тыловых и медицинских служб, производивших сортировку спасенных на пассив и актив.

В этой операции была не одна лишь гуманитарная составляющая, а еще и желание лишить татар дополнительных человеческих ресурсов, которые они могли бы направить как против рязанских городов, так и против нас самих. Любимым приемом этих уродов в сражении было гнать впереди себя местное гражданское население – баб с ребятишками – и стрелять, прикрываясь их спинами. Именно поэтому реакцию монгольских темников на похищение полона иначе как истерической не назовешь.

В каждом из татарских туменов были казнены все воины, стоявшие в ту ночь на часах. Можно подумать, что они хоть чем-то могли помешать головорезшам капитана Коломийцева и старшего лейтенанта Антонова. Там одна Артемида чего стоит – так что это злобствование со стороны монгольских темников было напрасным. Хотя, с другой стороны, я могу только приветствовать такие эксцессы, когда противник сам понижает свою численность.

Кстати, перед нами встала и еще одна проблема. К боевым действиям в зимних условиях по причине недостаточного количества теплого обмундирования у нас готовы не более шести тысяч всадниц, а у Бату-хана в северной армии в строю стояло почти шестьдесят тысяч – или уже чуть меньше – отборных головорезов. На местных надежды мало; наскребут пару тысяч более-менее приличных воев – и то хлеб, но в масштабах Батыева Нашествия капля в море. Вывод прост – ставку надо делать на разгром противника по частям, резню фуражиров, отбой полона и всякие минно-взрывные пакости, на которые так горазд был наш двадцать первый век.

Если тактика истребления мелких групп противника нашими действующими вразбивку эскадронами была уже хорошо отработана на аварах в мире Славян, то минно-взрывной деятельностью дела, сказать прямо, тогда обстояли не очень хорошо по причине ограниченного запаса взрывчатых веществ. То, что оставалось на руках у нашей группы, было как слону дробина; саперная рота танкового полка была в основном ориентирована на вопросы разграбления, а потому также не имела сколь-нибудь значимых запасов мин и взрывчатки для устройства минных фугасов и прочих мерзопакостных сюрпризов для наступающего противника. Вопрос

¹¹ В XIII веке рязанское княжество вперемешку населяли потомки славян-вятичей, и уже в значительной степени ославяненная под их влиянием и частично крещеная мордва. Чуть позже, во время пассионарного толчка XIV века эти этнические субстраты вместе с остальными составляющими сольются в нерушимый монолит великорусского этноса.

о необходимости использования хоть обычной, хоть алхимической взрывчатки был поднят еще во время ликвидации вторгшихся в антские земли авар, но там из-за общей скоротечности операции мы обошлись, да и возможности производить сколь-нибудь сильную взрывчатку хоть чисто магическим, хоть химическим путем у нас тогда еще не было.

Но как только в Днепре поселилась богиня Дана, в преддверии этого этапа похода по мирам в нашем распоряжении появился мощный и надежный источник магической энергии, позволяющий создавать различные высокоэнергетические заклинания, в том числе и отложенного действия. Главной в группе магоподрывников была Кобра, которая, используя свою мощь, напрямую подключалась к идущим от Даны энергетическим потокам и накладывала на материальные носители (обычно бронзовые шары) свои Печати Хаоса с отложенной инициацией. При этом в качестве саперов-консультантов ей помогали командир саперной роты капитан Трегубов со своими людьми, а также сапер моей группы младший сержант Шамсутдинов с позывным «Бек». Звание у моего бойца, конечно, было небольшим, но зато имелся значительный практический опыт, поэтому товарищи офицеры очень внимательно слушали его рассказы о различных моментах его недолгой, но весьма бурной службы.

Задачей консультантов было определить наилучший способ использования получившихся магических боеприпасов – так сказать, с учетом тактики и стратегии противника. Сразу должен сказать, что никаких единичных зарядов мощнее пятидесяти килограмм в тротиловом эквиваленте нашим магам получить не удалось. Кобра говорила, что при накачке печати хаоса, превышающей эту мощность, материальный носитель резко утрачивает стабильность, что грозит самопроизвольной разрядкой заклинания. С другой стороны, начинку в пятьдесят килограмм тротила имеет или очень мощный фугас, или снаряд двенадцатидюймового морского орудия, что для наших целей при грамотном использовании вполне достаточно, что подтвердили и Бек, и капитан Трегубов.

А использование этих магических фугасов действительно должно быть очень грамотным, потому что много мы их сделать не сумеем. Каждый десятикилограммовый бронзовый шар Кобра заряжает не менее получаса, а составить заклинание для автоматической зарядки шаров прямо от магопровода пока не получается, как над этим ни бьются Колдун с Коброй. Дело в том, что только маг Огня (или Хаоса, что одно и то же) способен преобразовать чистую энергию магопровода в специализированную энергию Хаоса и Разрушения, готовую вырваться на свободу по его приказу или команде специального детонирующего заклинания.

Сами шары-носители (то есть, их производство) тоже являются некоторой проблемой. Поскольку местным антам такие технологии пока недоступны, приходится либо ввозить их из Тевтонии мира Подвалов, что, в общем-то, довольно накладно, либо (с недавнего времени) заказывать их в одной литейной мастерской в местной Антиохии. Но мы, артанцы в Византийской империи мира Славян, такие бяки, что за наши головы назначено вознаграждение в пятьсот солидов, а ведь еще совсем недавно было триста. Уж очень сильно впечатлили Юстиниана нарубленные на бефстроганов его любимые ескувиторы и обгорелые сапоги патриция Руфина. Поэтому лавочка в Антиохии в любой момент может накрыться большим медным тазом, хотя из-за ограниченных возможностей Кобры зарядка бронзовых шаров-носителей идет медленней, чем поступление пустых заготовок, которых у нас уже скопилось изрядное количество. В дальнейшем, поднявшись в более развитые миры, знающие хотя бы что такое черный порох, мы сможем перейти на магохимические или чисто химические образцы взрывчатки. А пока только так – чисто магическая взрывчатка... Ибо процесс получения на коленке и с нуля, без промышленного производства, селитры, серной и азотной кислот, того же тринитрофенола (шимозы) или нитроцеллюлозы (пироксилина) заставит поседеть даже самого ярого маньяка алхимии.

Всего к тому моменту, когда была завершена операция «Буран», в нашем распоряжении имелось больше двух сотен таких заряженных заклинаниями хаоса шаров, и на этом их зарядку

пришлось прекратить, потому что Кобра была нужна нам на «линии фронта», причем нужна свежей и отдохнувшей, а не выжатой как лимон. Применять эти магические фугасы планировалось в полном соответствии с избранной татаро-монголами тактикой и стратегией – то есть для минирования основных магистралей движения вражеских войск, которыми в бездорожном болотисто-лесистом краю могли быть только русла рек.

Итак, пока войско Батыя медленно ползло через занесенные снегом безлесные пространства к истокам Рановы, наши саперы готовили на их пути сюрприз, утапливая в снежном покрове речного русла смертоносные шары, настроенные на дистанционный подрыв. Минно-взрывное заграждение растянулось на несколько километров, гарантируя зону сплошного поражения. Скорее всего, в эту ловушку должен был попасться передовой тумен сына Чингисхана Кюльхана; хотя кто его знает, быть может, не повезет и кому-то еще. Там, в нашем прошлом этот Кюльхан был единственным чингизидом, погибшим как воин, на поле боя – в сражении при Коломне, а не от удара ножом под ребро, или от щепотки яда в кумыс.

Но здесь он будет точно не единственным, и даже не первым. Я просто выпал в осадок от удивления, когда патрульный отряд из одного рейтарского и двух уланских эскадронов приволок к порталу на крупе одного из коней такую полудохлую собаку, как знаменитый по многочисленным романам В. Яна Гуюк-хан. Вонисей потного тела и прокисшей мочи от этого потомка Потрясателя Вселенной несло как от любого помоечного побирушки нашего времени, а вши и прочие насекомые кишели на нем как на бездомном псе.

Душой убийца и садист, он ни в чем не раскаивался, да и никаких секретных сведений сообщить не мог, поэтому я недолго думая приказал вернуть эту падаль в родной мир, раздеть догола и повесить в таком виде на осине на пути следования монгольского войска – в назидание остальным. А на грудь Гуюк-хану лилитки гвоздями прибили табличку, на которой по-русски написали: «Кто с войной к нам придет, тот издохнет как паршивая собака». Кириллица уже известна, да и местные русичи, в отличие от древних антов, понимают нас хоть в общих чертах; так что те, кому это надо, найдут толмача и прочтут сие красноречивое предупреждение.

Когда его вешали, Гуюк визжал, дергался и плевался как помесь дикого кота с верблюдом, но все было бесполезно. Сильные руки бойцовых лилиток подняли вверх извивающееся тело со связанными руками и ногами, сунули в петлю включенную голову – и отпустили, так что мерзавец затанцевал под осиной свой последний танец. Были среди наших товарищей и желающие посадить ублюдка на кол, но я ответил, что эта честь зарезервирована за тем, кто повел эту орду в поход, и что если будет надо, то я поступлю таким образом с Бату-ханом, а вокруг раскину шатер, чтобы главарь улуса Джучи не окочурился раньше времени от холода.

Против этого не возражала даже Птица, ибо после бурана мы проехали по тем деревням и весям, где успели побывать с «визитом дружбы» коренные евразийцы. Мертвые старики – это еще ничего, но вот зверски убитые дети – это было по-настоящему страшно. И неважно, была ли это славянская весь или деревня мордвы – мстить за них мы будем абсолютно одинаково. Даже Кобра, ранее напрочь отказывавшаяся кидаться тактическими зарядами в живых людей, теперь без колебаний готова выполнить приказ, лишь бы противник представлял собой плотную компактную цель, пригодную к применению оружия массового поражения. Ведь то, что мы видели в нескольких приграничных селениях – лишь слабая тень того, что в ближайшие полгода должно полыхнуть по всей Северо-Западной Руси, которой в самое ближайшее время суждено стать Россией.

* * *

17 декабря 1237 Р.Х. День шестой. Вечер. Рязанское княжество, селение в лесу к северу от пограничной реки Воронеж

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов

Едва мы с гавриками закончили ухаживать за бедной Анастасией, которая три дня и три ночи в маленькой лесной избушке поддерживала заклинание зимнего циклона, и, пройдя через портал, с рук на руки сдали ее Лилии и милейшей Галине Петровне, как капитан Серегин тут же нашел нам новое дело. Он был так жесток, что взял всех нас, включая совсем непривычных к таким зрелищам Асю, Яну и Митю в поездку по тем деревням и весям, в которых уже успели побывать бандиты (не подберу другого слова) Бату-хана.

Сделано это было, как он сказал, в целях моральной закалки личного состава и для понимания того, что хороших людей среди татаро-монгол нет, а есть только сволочи, гады и прочие мерзавцы.

– Если бы я был князем этой земли, – сказал сжимающий рукоять своего меча Ув, рассматривая своими светлыми глазами разбросанные в снегу окоченевшие трупы старых и малых, – то ни один враг не посмел бы безнаказанно вторгнуться сюда и сотворить подобное, не убоившись возмездия.

– Мы отомстим, – сказал Митя, стоя с закинутым на плечо «Федоровым» над заледеневшим трупом маленького ребенка, – мы обязательно отомстим...

– Пойми, Ув, – спокойно сказал Серегин, обнимая за плечи обоих мальчиков, – для того, чтобы такое никогда не могло случиться в твоей земле, ее государство должно быть густонаселенным, сильным и единым, без малейших признаков внутренней розни, и управляемое одним самовластным князем. При этом населяющий его народ должен жить в достатке и счастье, а также от мала до велика быть обучен воинскому искусству, чтобы по первой команде своего князя встать на защиту родной земли.

– А тут, – сказал Митя, – князей больше, чем тараканов за печкой, они постоянно между собой ссорятся и ругаются, как сороки на помойке. А если кто-то кому-то даже решит прийти на помощь, то из-за плохого состояния дорог и отсутствия средств связи, оповещающих об опасности, эта помощь сможет прийти только тогда, когда будет уже поздно.

– Все правильно, Митя, – кивнул Серегин, – только должен добавить, что отразить эту опасность могли бы только соединенные силы всей Руси – от Великого Новгорода до Киева, во всех других случаях у татар будет подавляющее превосходство в силах.

– Мой почитаемый учитель, – склонил Ув голову перед командиром, – а наше войско способно разгромить этих татар в одном славном сражении, или мы будем вынуждены отступить, оставив этих несчастных во власти свирепых врагов?

– Запомни, Ув, и ты, Митя, тоже, – произнес тот, – мы бы, конечно, могли выставить в поле все наше войско (которое теперь лишь в три раза меньше, чем у этих монголо-татар), понадеявшись на их прекрасную подготовку, высокий боевой дух, отличное вооружение и магическую поддержку. Быть может, мы даже и выиграли бы ту битву, но потери в ней могли быть таковы, что наше войско просто прекратило бы свое существование. Такие победы называются Пирровыми, и их надо всячески избегать. И мы не будем оставлять этих людей на произвол судьбы. Нет, мы поступим по-иному. Мы превратим свое войско в рой разъяренных ос, которые будут жалить татар спереди и сзади, не давая им рассылать фуражиров, грабить окрестное население и хватать из него полон, необходимый татарам для осад и в качестве щита в полевых сражениях.

При этом, хоть общее преимущество в численности будет за войском Батыя, но в каждом конкретном бою преимущество над татарами останется за нашими эскадронами, командирам которых будет приказано каждый раз окружать встреченного врага и вырубать его под корень. А вот когда Батый ослабеет, а мы усилимся за счет приставших к нам местных воинов – тогда и настанет час решающей битвы. А может, и не настанет. Возможно, Батый побежит в свои степи, а мы будем гнать его, вырывая куски мяса из боков, пока от его армии не останется один

голый скелет. Запомни, что никогда не стоит ставить все на одно решающее сражение, если ты и без того способен победить врага без особого кровопролития со своей стороны.

– Сергей Сергеевич, – спросил Митя, – а что, если на помощь Батыю попробует прийти южная армия, которой командует Мунке-хан? Быть может, тогда стоит быстро разбить одного врага, прежде чем иметь дело с другим?

– Не думаю, что Мунке-хан решится прийти на помощь Батыю, – покачал головой Серегин, – ведь сил у него вдвое меньше, чем в главной северной армии, и основная его задача – охранять кочевья, полные награбленного монголами и татарами добра, а также их женщин и детей – зародыш будущей Золотой Орды. Если оставить кочевья без защиты, то все обиженные монголо-татарами – кипчаки, ясы, касоги и прочие народы – тут же кинутся мстить за свои горе, кровь и слезы, и вот тогда никакой Золотой Орды у Батыя уже не получится, потому что его народ утонет в собственной крови. Так что, если Мункэ-хан и пришлет помощь, то только очень небольшими силами – одним туменом или около того. Я вам понятно объяснил, ребята?

– Да, почитаемый учитель, – произнес Ув, – понятно. Я понял, что, кроме чисто военной обстановки, необходимо учитывать и все остальное, что может на нее повлиять, и даже нападая на кого-то, не оставлять без защиты границ своей земли...

«Нет, так быть не должно, – думала я, глядя на побледневших, потрясенных ужасным зрелищем, Яну и Асю, – детям тут совсем не место...»

Если мои девочки были шокированы произошедшим в этом селении, то смуглая малышка Асаль равнодушно смотрела на весь этот ужас своими узкими глазенками. Но с маленькой аварской принцессой все и так было понятно. Сперва ее отец проделывал нечто подобное с другими народами, а потом пришли уже мы и стерли с лица земли сам народ авар. Но мы не убивали женщин и детей, а напротив, старались, дать им новое будущее, если уж так получилось, что весь их народ обратился к Злу и был полностью уничтожен по Промыслу Божьему. Но все равно, как мне кажется, показывать такое детям, даже мальчикам, было абсолютно неправильно. Тут и взрослым-то вроде меня становится не по себе, и хочется кричать от ужаса и горя...

– Сергей Сергеевич, – тихо и гневно сказала я капитану Серегину, отозвав его в сторону, – неужели было так необходимо устраивать уроки истории таким вот образом? Вы забыли ту историю в мире Подвалов? Я вас умоляю – пожалейте, пожалуйста, их психику и не устраивайте им больше таких экскурсий...

– Послушайте, Птица, – также негромко, но твердо ответил мне Серегин, выставляя вперед руку, словно защищаясь от моего напора, – я берег ваших гавриков от подобных зрелищ в мире Славян, потому что на жаре это зрелище не только ужасает своей бессмысленной жестокостью, но еще и благоухает далеко не дивными ароматами. А если серьезно, то ваши гаврики уже давно не такие наивные дети, какими они были восемь месяцев назад, попав в мир Подвалов. Да, они видели ужасные зверства тевтонов, весьма похожие на то, что мы видим здесь, они прошли с нами весь боевой путь по тому миру вплоть до конца, в мире Содома они своими глазами наблюдали битву у Дороги, а ваши девочки сколько было сил ухаживали за ранеными лилитками. Потом им было известно и все то, что происходило в мире Славян, только они не видели этого собственными глазами. Тогда у меня еще была надежда, что остальные миры, через которые нам предстоит пройти, не будут такими же жестокими, как мир Славян. Теперь я вижу, что заблуждался...

– Сергей Сергеевич, – возразила я, – но мир Славян не так жесток, как это мир Батыева нашествия...

– К сожалению, это не так, Птица, – сказал он с горечью, покачав головой, – просто тогда мы берегли и вас тоже от разных шокирующих подробностей деятельности авар на покоренных славянских землях. Но ужаса там было не меньше. Думаю, что и остальные миры, через которые нам предстоит пройти, будут ничуть не лучше этих двух, поэтому надо сделать

так, чтобы души ваших воспитанников смогли закалиться, но не зачерстветь. Происходящее здесь сильнее цепляет за душу, чем в предыдущем мире, потому что здешние русичи говорят уже на понятном нам языке и полностью воспринимаются как свои, в отличие от тех же антов, отношение к которым было все-таки несколько отчужденным, как к каким-нибудь сербам или чехам. Хотя нет, Птица, чехи тут ни при чем, и сербы тоже; но все равно здешний народ мне гораздо ближе. Поймите, Птица... Авар в мире Славян я выжег подчистую только из тактических и стратегических соображений, чтобы этот Баян со своей ордой не путался под ногами и не мешал мне делать «правильную» политику. Вполне можно было шугнуть их вглубь Европы, обозначив рубежи, за которые соваться не рекомендуется. В этом же мире дело обстоит совсем по-иному. Как человек, поклявшийся защищать русскую землю от всяческих захватчиков, Батыя со всей его ордой я просто ненавижу всеми фибрами своей души, как какого-нибудь Гитлера. Думаю, что чем выше мы будем подниматься, тем это чувство к очередному иноплеменному захватчику и насильнику будет острее, а беды местного народа будут восприниматься все ближе к сердцу.

– Интересно, – сказала я, задумавшись над его словами, – а как все это воспринимают ваши подчиненные амазонки, лилитки и «волчицы»? Ведь они-то ни в коем разе не русские, и не могут воспринимать все точно также, как и вы...

– Окститесь, Птица, – усмехнулся Серегин, – вам же так ни разу не пришлось по-настоящему иметь дела ни с «волчицами», ни с лилитками. Они давно уже считают себя только русскими, и больше никем. Большая их часть теперь не только вполне прилично разговаривает на великом и могучем, но еще активно учится читать и писать, а те, что уже научились, в свободное от службы время не вылезают из библиотеки, прочитывая одну книжку за другой. Как сказала наша дорогая Ольга Васильевна – ни у тех, ни у других просто не было своей системы, в рамках которой они могли бы идентифицировать свою принадлежность. Когда же им такую систему предложили, то они вцепились в нее мертвой хваткой, впитывая нашу культуру, мировоззрение и отношение к жизни, как сухой песок впитывает в себя воду. Теперь лилитки и «волчицы» наши и только наши; и если «волчицы» не забыли свой тевтонский диалект немецкого и между собой время от времени на нем еще разговаривают, то лилитки давно забросили свой квазиарамейский язык, на котором говорят в мире Содома. Теперь они даже между собой разговаривают на русском, с добавлением чисто армейских оборотов. Послушаешь – и душа радуется, будто в родную казарму попал...

Ну, про казарму Сергей Сергеевич, скорее всего, преувеличил, но во всем остальном он меня как следует уел. Пока я возилась со своими гавриками, то умудрилась не заметить, как подобранные на улице неуклюжие щенята превратились в преданную своему вожаку свору, готовую по его приказу растерзать кого угодно стоит лишь руке Серегина указать на него. Сейчас под этот молот попадет и Батый со своими татарами, и несмотря на всю их свирепость, стая только отточит на них свои зубы и наберет в этом мире новых брошенных щенков, которые очень скоро превратятся в очередных матерых псов.

Скорее всего, это последствие той ментальной связи, которая с первых же дней существования Единства установилась между Серегиним и его воителями и воительницами. Таким, как Серегин, не нужно поклонение, они равнодушны к пустым почестям и воспринимают лишь признание реальных заслуг, но зато им очень важно единомыслие, которого они добиваются любыми путями, говоря своему окружению «будь как я, делай как я, думай как я».

И если меня саму все это не особо касается, то мои гаврики уже давно в его орбите. Митя смотрит в рот Серегину, Ася – Мите, и я совсем не исключаю того, что эти двое, когда подрастут, выберут для жительства тот могучий и яростный мир победоносного Сталина, из которого изгнали предков тевтонов. Яна любит Ува, и это видно уже без всякого колдовства, а тот, как будущий король, учится у Серегина тому, как быть хорошим воином и правильным правителем. Всеми остальным его научат Прокопий Кесарийский, Ратибор и Добрыня

– и король из Ува выйдет просто на загляденье. Мое же дело следить, чтобы при всех этих Серегинских закалках и при общении со сверстниками из других времен мои гаврики не становились черствыми и жестокими людьми. А там будь что будет, ведь миры, через которые мы идем, действительно страшны...

* * *

19 декабря 1237 Р.Х. День восьмой. Вечер. Рязанское княжество, окрестности Пронска

Темник Субэдэй-багатур, главный военный консультант Бату-хана

Тумен у Субэдея был отборный и состоял из чистокровных монгольских подкреплений, которые верховный каган Угэдей прислал своему племяннику Бату-хану для того, чтобы тот благополучно закончил завоевание закатных земель и дошел бы до Последнего Моря, в водах которого завещал омыть копыта монгольских коней великий Потрясатель Вселенной Чингисхан. Но даже отборные воины и чистокровные монголы не могли прорваться через сугробы, в которых по брюхо вязли их кони, и гибли под ударами высоких, одетых в белое, могучих мангусов, чьи кони, паря в воздухе, едва касались сугробов своими копытами – эти свирепые удары рассекали всадников от макушки до седла, иногда прихватывая и лошадь, если мангус в тот момент был особенно зол.

Отряды фуражиров, к которым были приданы проводники от переметнувшегося на сторону монгол местного народа по имени мокша, либо пропадали бесследно, либо находили урусутские поселения уже полностью разграбленными и сожженными. При этом нельзя было подумывать, что это селения уничтожили воины из туменов Шейбани или Бурундая, потому что в таком случае они поубивали бы всех ненужных им беременных женщин, детей и стариков, чего на самом деле не было.

Субудэй злился, но своим умом, и в старости не утратившим остроты, понимал, что все это происки все тех же мангусов, зачем-то пришедших на помощь беспомощным урусутам, которые никак не могут понять, что теперь власть в этих землях принадлежит потомкам Чингисхана, и только они будут решать, кому тут жить, а кому умереть. Но тупые урусуты не хотят этого признать и сопротивляются приходу великих и победоносных монгол, а злобные мангусы поддерживают их в этом прискорбном заблуждении...

Однако никаких пленных мангусов у него пока не было. Воины, могучие богатыри, похвальношавшиеся, что привезут Субэдею живого мангуса, сами либо погибли, либо сгинули без вести в непролазных урусутских лесах.

Но что было хуже всего, так это то, что у Субэдея никак не получалось выполнить задание, порученное ему Бату-ханом – разграбить пронскую округу, набрав фуража и полон, после чего с помощью полоняков быстро взять Пронск, полностью его разграбить и со всем взятым полоняком и добычей двигаться к Рязани. Пронск оказался так себе городишко, всего на пару тысяч жителей. Даром что столица удельного княжества. Боеспособных мужчин на его стенах может быть не больше пяти-семи сотен, а профессиональных воинов-дружинников вместе с князем – не более пяти десятков.

Но как брать этот Пронск? Город стоит на высоком мысу при слиянии двух рек, склоны этого мыса круты, и к тому же политы водой так, что блестят на солнце ледяной коркой. Взобраться к подножию стен, сложенных из толстенных, в хватку рук человека, бревен – дело само по себе немислимое; а ведь надо еще преодолеть сами стены, при том, что их защитники будут лить на головы штурмующим расплавленную смолу, кипятки, бросать сверху камни и прочую пакость, стрелять из луков и малых самострелов.

Обычно монголы, когда штурмуют непокорные города, сначала руками пленников строят осадные машины, которые сперва разбивают городские укрепления, образуя проломы в стенах,

а на штурм потом первым пускают вперед полон, подперев его сзади копьями верных нукеров. Пусть глупым урусам достанется расплавленная смола, кипятки, брошенные сверху камни и прочая пакость, а также стрелы, выпущенные из луков и малых самострелов.

Так что без полон монгол на осаде как без рук. Не сам же он будет гнуть спину, срубая деревья, обтесывая топором бревна и таская к машинам камни, а потом первым идти на верную смерть. Всего лишили монгол проклятые белые мангусы, и даже самой жизни, потому что Субэдей – это такой командир, который если надо, запросто погонит своих воинов валить деревья, таскать бревна и камни, а потом после тяжелой изнурительной работы отправит на штурм под летящую со стен смерть...

А Субэдей все думал и думал. Будь его воля, он бы оставил это нехорошее дело и немедленно ушел обратно в степь. Если у этой земли такие заступники, то чего от них монголам ждать еще? Огненного дождя, льющегося на монгольское войско с багровых небес? Железного ветра, сдувающего в небытие целые тумены? Бронзовых драконов, с воем пикирующих на монголов из-под туч? Или, может, стальных черепах, проворных как пустынные вараны, с лязгом мчащихся по земле и давящих на ней все живое? Не участвовавший в приграничном сражении с урусутами его тумен не успел еще ничего свершить, но во время бурана и мелких стычек с белыми мангусами, подчистую вырубая отряды фуражиров, потерял почти четверть своих воинов. И что хуже всего – заканчиваются запасы продовольствия и фуража.

При таком глубоком снеге даже неприхотливые кони не могут выкапывать из-под снега прошлогоднюю траву, а значит, нуждаются в постоянном прикорме отнятыми у местных сеном и зерном. Еще два-три дня – и, если Пронск с его запасами не будет взят, то его тумену грозит скорая гибель. Сначала ослабеют и начнут падать кони, а за ними погибнут и его воины, которые без своих коней никто и ничто.

Но воля тут была не его, а покойного Чингисхана, Потрясателя Вселенной, с которым Субэдей начинал в молодости делать свою карьеру, повелевшего завоевать все земли до Последнего Моря; его сына Угэдея, пославшего войско в Великий Западный Поход, а также его внука Бату, назначенного командующим этим походом. Итак, уже завтра на рассвете он пошлет своих воинов в лес – рубить деревья и делать все прочее, что необходимо для создания осадных машин. Если мангусы могли уничтожать направленные на фуражировку десятки и полусотни его воинов, то с целой тысячей монголов сразу им наверняка не справиться.

* * *

20 декабря 1237 Р.Х. День девятый. час пополуночи. Рязанское княжество, окрестности Пронска, полевой лагерь тумена Субэдея

Тумен Субэдея, раньше других добравшийся до того удельного города в Рязанском княжестве, который был назначен в качестве цели, также первым подвергся массивной концентрированной атаке маленькой армии Серегина. Все то время пока сам Субэдей думал, как ему брать Пронск, Серегин размышлял, как под корень извести самого Субэдея вместе с его туменом, что должно было вырвать у Батыя один из самых ядовитых его зубов.

– Ф-ф-ф-ших-х-х-ж! – огненным метеором взметнулась в темное ночное небо осветительная ракета, на которую в помощь осветительному пиротехническому составу дополнительно было наложено заклинание Истинного Света, от которого невозможно скрыться ни татам, ни созданиям Тьмы. Также это заклинание увеличивает точность стрельбы дружественных стрелков и слепит вражеских. Одним словом, крайне полезная вещь.

– П-Пух, – вспыхнуло под раскрывшимся парашютом-отражателем бело-голубое рукотворное солнце – и монгольский лагерь как на ладони открылся множеству ненавидящих глаз.

Бздынь, бздынь, бздынь, бздынь! – в четыре волны шелкнули тетивой арбалеты, каждый раз выпуская на вражеский лагерь по пятьсот болтов разом, которые, сверкая голубыми и бор-

довыми огоньками заклинаний Самонаведения и Огненного Лезвия, описывали в темном небе крутые дуги, чтобы с высоты обрушиться на вражеский лагерь.

Первый же залп из темноты нанес тумену Субэдея заметные потери. Ржали подстреленные кони, хрипели умирающие воины, которым болты во сне попали в шею или в живот, стояли раненые в ноги или руки, пытаясь дотянуться и вырвать из тела тупоконечную броневой смерть. При навесной стрельбе по компактно расположенному монгольскому лагерю благодаря заклинаниям самонаведения в цель попал примерно каждый пятый выпущенный в этом зале болт – а значит, убито или ранено было около четырехсот монгольских воинов.

Несколько болтов с ужасающим грохотом ударили и в крышу обшитой железными листами повозки, в которой путешествовал Субэдей. Причем почти все из них сумели частично проклюнуться через броню этой древней КШМки¹², а один даже вошел в защищенное пространство по самое оперение, будто намекая, что чуть меньше расстояние, или чуть более настильная траектория – и монгольская железная самоделка превратилась бы в дуршлаг для отбрасывания лапши.

Пока проснувшийся монгольский лагерь пытался осознать, что это за свет среди ночи льется с черного неба на их головы, вооружиться, экипироваться и разобраться по десяткам, сотням и тысячам, в темноте на позициях арбалетчицы Серегина в отчаянном темпе качали рычаги натягивающих тетиву домкратов. Для того чтобы взвести арбалет в боевое положение, рычаг взвода необходимо качнуть десять раз, после чего он устанавливается вдоль ложа и крепится специальной защелкой. Каждое движение рычагом добавляло в скручивающиеся блочные плечи арбалета столько же энергии, сколько ее затрачивается на выстрел из обыкновенного лука, а полная энергия выстрела, запасаемая десятью движениями, была примерно такой же, как и при выстреле из винтовки Бердана №2.

В приемлемом темпе взводить эти арбалеты могли только бойцовые лилитки, обладающие такими бицепсами, трицепсами и прочей мускулатурой, что ей позавидовал бы и самый признанный мужчина-силач нашего мира. Поэтому второй залп из темноты последовал всего через пять минут после первого, когда осветительная ракета еще не догорела, а суета в монгольском лагере была в самом разгаре. Эти болты пошли в цель прицельно по настильной траектории, и результат тоже был теперь совсем другим – в живое мясо попал уже каждый второй болт. Снова взрыв криков ярости, боли и отчаяния тех, кто понял, что настают последние моменты.

Весь этот невообразимый спектакль был прекрасно виден караульным на стенах Пронска, с которых монгольский лагерь открывался как на ладони; и там тоже зашумели, закричали и забегали с факелами. К тому моменту как Пронский удельный князь Владимир Михайлович¹³, молодой человек чуть больше двадцати лет, накинув шубейку прямо поверх шелковой рубахи, выбрался на забороло¹⁴, в воздухе догорала уже третья осветительная ракета. При этом монголы по приказу Субэдея уже попытались совершить самоубийственную атаку во тьму через снежную целину в том направлении, откуда по их лагерю велся убийственный обстрел.

Князь как раз успел увидеть, как монгольских всадников, увязших в глубоком снегу по самое конское брюхо, спокойно расстреливают из темноты рослые воины неизвестного народа, сидящие на высоких конях, которые от конских копыт и до макушек шлемов затянуты в белую

¹² КШМ – командно штабная машина. Если верить некоторым источникам, именно в такой железной повозке путешествовал, а самое главное, ночевал Субэдей-багатур.

¹³ Сейчас ни одна живая душа не знает, как звали погибшего во время тех событий Пронского удельного князя. Для истории он так и остался безымянным сыном своего отца Михаила Всеволодовича Пронского. Но мы своим священным авторским произволом (САП) нарекаем его Владимиром Михайловичем.

¹⁴ Забороло – крытая галерея, идущая по верху стены, служит защитой обороняющимся от непогоды и навесного обстрела из луков.

ткань. Частое треньканье арбалетов в ночной тиши смешивалось с криками раненых и умирающих монголов.

Ответные монгольские стрелы летели мимо цели, по крайней мере, ни один из всадников в белом не пострадал от их обстрела. Потом прозвучал трубный глас фанфары, и в наступившем полумраке призрачное войско рванулось вперед. Странно, торжественно и величественно выглядела атака белых всадников. Они мчались бесшумно, наклонив перед собой пики и лишь слегка касаясь поверхности снега кончиками конских копыт. Молодому князю казалось, что эти призрачные воины пронесутся через остатки монгольского тумана, не причинив ему вреда, но раздавшиеся вдруг тяжкий грохот, лязг и скрежет подсказали ему, что монголы сегодня так просто не отделаются. Оставив пики в телах убитых, бойцы в белом взяли за палаши, и пошли рубить в полный мах противника, который был уже не в состоянии ни сопротивляться, ни даже бежать.

Едва закончилось это сражение, призрачные белые силуэты чужих воинов растворились во мраке. Дивясь увиденному и ликуя, молодой князь понял, что и он сам, и его город спасены самым чудесным образом, и что теперь он должен, оседлав коней, вместе с ближайшими телохранителями как можно скорее мчать в стольный град Рязань, чтобы рассказать обо всем великому князю рязанскому Юрию Всеволодовичу.

А Субэдей-багатура живым взять не удалось. Вместе со своими телохранительницами он отчаянно отстреливался из смотровых щелей своего железного вагончика, пока наконец прибывшая к месту сражения Кобра не покончила с ним одним-единственным плазменным шаром, превратившим железную повозку в ярко горящий бенгальский огонь. Таким образом – ярко и одновременно бессмысленно – закончил свою жизнь талантливейший из монгольских полководцев...

* * *

21 декабря 1237 Р.Х. День десятый. Полдень. Рязанское княжество, Пронск Воевода Евпатий Коловрат

Поездка с посольством в Чернигов к князю Михаилу Всеволодовичу¹⁵ Черниговскому откровенно не удалась. Князь Михаил, своим широким сидалищем усевшийся на черниговский и галицкий столы, вел себя перед рязанскими послами безобразно, крутил им дули, заявляя: «... поскольку ваши с нашими на Калку не пошли, то вот вам, а не помощь против Батыги...».

Поскольку дальнейшее сидение в Чернигове не имело смысла, то, едва узнав о вторжении татар в Рязанскую землю, Евпатий Коловрат тут же приказал сопровождавшей его в поездке малой дружине срочно собираться и выступить в обратный путь. Как уже было сказано, в то время никаких торных дорог на Руси не было, ну, за исключением коротких участков переволоков на водоразделах, а все перемещение товаров и крупных войсковых соединений по необъятным русским просторам осуществлялось по рекам. Летом на чрезвычайно мелкосидящих ладьях, которые должны были доходить до самых истоков, а зимой по льду, на санях и лошадях.

А реки – они создания прихотливые; текут, как им положил Господь и рельеф местности, не из пункта А в пункт Б, а «две шага направо, две шага налево, шаг вперед и два назад». Например, между Рязанью и Черниговом по прямой, «как ворона летает» – чуть больше

¹⁵ Князя Михаила Всеволодовича Черниговского не следует путать с князем Михаилом Всеволодовичем Пронским, убитым за двадцать лет до описываемых событий на княжеском съезде в Исадах вместе со многими другими князьями. Переговоры на высшем уровне, оборачивающиеся резней, в Киевской Руси случались достаточно часто. К XIII веку потомки Рюрика расплодились настолько, что всем места на Руси уже не хватало, и это приводило к таким кровавым коллизиям. Впрочем, и поведение нынешних князей, того же князя Михаила Черниговского, отказавшихся объединиться перед лицом вражеского нашествия, выглядит тоже не лучше.

шестисот семидесяти километров. А с учетом извивов пути вверх по течению Десны до самого истока, потом нескольких километров до истока Угры, и далее по ней до Рязани – расстояние увеличивается примерно втрое до двух тысяч километров.

Но это обязательно только в случае крупных воинских соединений или больших торговых обозов. В зимнее время, когда болота и зыбкая заболоченная лесная почва замерзают в камень, в случае перемещения гонцов и малых дружин, когда воины движутся одвуконь, а багаж везут на вьючных лошадях, возможно движение по лесным тропам по кратчайшим расстояниям и с максимальной на то время среднесуточной скоростью до восьмидесяти километров в сутки. Именно этим прямым путем гонец доставил в Чернигов известие о поражении русских войск на реке Воронеж, и именно этим путем Евпатий Коловрат вместе с сопровождавшей его малой дружиной со всей поспешностью направился обратно в Рязань.¹⁶

Зимний циклон, бушевавший над Рязанской землей с одиннадцатого по тринадцатое декабря, задел выезжающую из Чернигова малую рязанскую дружину только самым своим краем и почти не замедлил ее продвижения домой. А Евпатий Коловрат действительно изо всех сил торопил коней и людей, как будто сто мечей отборной малой дружины могли хоть что-то решить в противостоянии с семидесятитысячным Батыевым войском, и хоть кого-то спасти в обреченной на гибель Рязани.

Но скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Пока малая дружина Евпатия Коловрата продвигалась на восток в сторону стольного града Рязани, в рязанской земле события развивались своим чередом. И вот, когда сутки назад воевода пересек границы Рязанской земли, оказавшись в Пронском уделе, ему пришлось выслушать немало историй о чудесных высоких воинах в белых одеждах на рослых конях, которые насмерть секли силу татарскую везде, где ее встречали – от малых отрядов до самого большого войска.

Другие видоки, лицезревшие этих воинов вблизи и даже, бывало, перемолвившиеся с ними парой слов, утверждали, что это вообще не воители, а воительницы. Одним словом, девки, да только уж ростом слишком великие и обликом непривычные, но говорящие на вполне понятном языке, и что сотниками у них поставлены безусые новики, прекрасные ликом, но суровые душой. Смотрят они и будто вопрошают: «кто ты такой, человеке, и зачем нужен на этом свете?».

И встали полки этих воительниц в ночном бою, и сделали так, что татарский лагерь оказался ночью освещен как днем, и побили они татарскую силу всю до последнего человека, и вождя татарского, богатыря Субэдея, убили злой огненной смертью прямо в его железном возке. А некоторые так и вовсе утверждали, что побывали в том чудесном тридевятиом царстве, тридесятом государстве, из которого и пришли бороться Рязанскую землю эти таинственные воительницы, что даже пиво-мед там у них пили, что по усам, мол, текло, а в рот не попало...

Да что там рассказы видоков! Отряд Евпатия Коловрата на своем пути по Рязанской земле не раз наткнулся на посеченные до единого человека татарские разъезды, а теперь он стоял перед тем местом, где еще тридцать шесть часов назад находился татарский лагерь. Сперва свои трофеи взяли победители, потом оттуда много чего растащили местные пронские обитатели, но и то, что осталось, позволяло делать выводы, что татар избивали как бешеных собак, не оставив им ни единого шанса огрызнуться. Забросали издали стрелами из самостре-

¹⁶ В таком случае все сходится. Если большое войско или обоз из Рязани в Чернигов или обратно двигались бы больше двух месяцев в один конец, то гонец или малая дружина по зимним тропам преодолевали это расстояние чуть больше чем за два месяца, то гонцу или малой дружине в зимнее время на это требовалось около десяти дней. Если битва на реке Воронеж случилась в первых числах декабря (точная дата неизвестна), то из расчета десять дней туда для гонца, день на сборы, десять дней обратно уже для Евпатия Коловрата с малой дружиной, в последних числах декабря он действительно мог оказаться на пепелище Рязани, откуда, пылая жаждой мести, кинулся преследовать захватчиков. Можно предположить, что среди погибших на руинах Рязани была и вся семья воеводы, и с того момента, когда он об этом узнал, у него было только одно желание – умереть, забрав с собою как можно больше поганых татар.

лов, потом заставили атаковать по брюхо в снегу, после чего добились залпами в упор, а остатки изрубили мечами.

Болтов от самострелов окрест того смертного поля валялось предостаточно. Обычные болты, вполне подходящие и к самострелам русичей. Вызывали удивление только необычно гладкие, притупленные наконечники из закаленной стали, с легкостью пробивающие насквозь татарские щиты и панцири, и ровные, один в один, древки, что делало эти болты очень целковыми. Многие из дружинников, имевших самострелы, набрали таких болтов полные тулы, ибо не все татаровья были побиты, много их еще оставалось на рязанской земле, а хорошее оружие – всегда хорошее оружие, пусть оно даже и не без примеси колдовства. Потом будут утверждать, что такие волшебные болты сами находили свою цель, а броню пробивали значительно легче, чем это могла сделать обыкновенная сталь. Но и тут надо понимать то, что нигде так люди не любят местами приврать, как на войне и на охоте...

А тем временем посмотрел Евпатий Коловрат на побитую на этом поле татарскую силу, прикинул, сколько ее было в также побитых разездах, и понял, что лег под Пронском целиком и полностью отборный татарский тумен. Он со своими людьми ездил за помощью в Чернигов, надеясь получить помощь, но вместо того услышал от Михаила Черниговского надменный отказ; а тут помощь рязанской земле пришла сама – непрошенная, нежданная и негаданная. И вот они лежат на истоптанном снегу – посеченные на куски татаровья. Вот он стоит, целехонек – спасенный от них Пронск. Вот она, полнящаяся слухами-рассказами об этом чуде, русская земля, которую эти татары хотели положить пусту, но сами легли в нее всей своей силой.

Обо всем, что тут произошло, в первую очередь должен был узнать Великий Князь Рязанский Юрий Игоревич, а также его брат Роман Игоревич и союзник рязанских князей – Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, как раз в этот момент собиравшие объединенное рязанско-владимирское войско в полевом лагере у Коломны. Новость о неожиданном союзнике непременно воодушевит русские полки и повергнет в уныние татарскую силу, ибо уже немалая часть татарской силы была побита, и еще больше ее будет побито в самое ближайшее время.

Но Евпатий Коловрат предполагал, а капитан Серегин, который уже знал о его приближении к Пронску, располагал. Поэтому, как только отряд рязанского воеводы собрался двигаться дальше, на опушке леса появились несколько высоких всадников в белом под алым стягом и замахали руками, вызывая Евпатия Коловрата на переговоры. И правильно – первые военные успехи, достигнутые воинством Серегина, пора было закрепить с помощью дипломатии. Рязанские и Владимирские князья были вроде людьми вменяемыми, опасность им всем грозила смертельная; бежать и прятаться по заграницам, как это сделал Михаил Черниговский, они не собирались, и в случае поражения от Батыя обязательно разделили бы со своим народом его участь, погибнув от рук татар вместе со всеми своими семействами...

* * *

Сто девяносто четвертый день в мире Содомы. Вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридесятое государство

Воевода Евпатий Коловрат

Евпатий Коловрат никогда не был трусом. Напротив, он был из тех смельчаков, кто без содрогания смотрит в лицо смертельной опасности и решительно берется за самые невозможные предприятия. Но это в обычной жизни; нынешняя же жизнь воеводы представляла собой одно сплошное сказочное приключение, от которого захватывало дух. Ведь это просто невысказано – делаешь шаг и оказываешься в ином мире, за семьсот лет до своего рождения, во времена свирепых язычников... Потом делаешь еще один шаг – и вот ты уже в тридесятом царстве, тридевятом государстве, где под жарким солнцем вдыхаешь воздух, напоенный ароматами мирры и ладана, точно в храме. И прел воевода в своем медвежьем полушубке, шагнув

из холодной русской зимы в жаркое экваториальное лето; и трепетало его сердце от всех этих невообразимых чудес, а в голове металась беспокойная мысль: «Что-то еще будет?»...

А там, в царствии этом тридесятном, дорогих гостей встречали с почетом и со всей приятностью. Набежали девицы – все молодые, славные и распрекрасные как на подбор, улыбающиеся ласково и приветливо; а уши их выглядели весьма необычно, но очень мило – они были заострены на кошачий манер (да и вообще статью своей и плавной грацией походили они на этих очаровательных созданий). Правда, своей срамной одеждой девицы эти вводили воеводу в крайнее смущение, так что он даже покраснел и стал пытаться отвести глаза, но не смотреть на красавиц было выше его сил; к тому же сами девицы вели себя так непринужденно, словно щеголять в коротких портах и тонких душегрейках невиданного фасона – для них самое обычное дело. Сверкали голые коленки и прелестные локотки; воевода краснел, бледнел и пыхтел, но старался держаться с достоинством. Он увидел, что среди этих слегка раскосых смугленьких милшешек присутствует и несколько девиц постарше и построже; одежда их тоже была срамной, но, по крайней мере, юбка прикрывала ноги.

Девицы, чьи прикосновения были нежны, словно крылья бабочек, помогли воеводе и двум сопровождавшим его старшим дружинникам разоблачиться от теплых одежд, оставшись лишь в камковых (шелковых) рубахах, да походных штанах. После этого они чуть ли не под руки, с почтением, светясь улыбками, повели рязанцев в один из четырех огромных каменных теремов, внутри которого их уже ожидал местный князь Серегин. Пока Евпатий Коловрат шел дивно изукрашенными галереями, он немного успокоился. Глаза его пригляделись к эскорту и сейчас он ощущал лишь эстетическое удовольствие. Прелестницы, бесспорно, хороши – какой-то особо нежной дикарской красотой – юны и свежи, как первые подснежники на проталинах, но воевода решил, что его молодая супруга Лукерья, совсем недавно одарившая его первенцем, ничуть им не уступает – ни в красоте, ни в обаянии.

Евпатий Коловрат, конечно же, не мог не обратить внимание на то, что воины в этом тридевятном государстве – вовсе никакие не воины, а воительницы. Их странная одежда – такая же, как и у сопровождающих его девиц – уже не казалась ему до крайности срамной. Воевода дивился на рослых и плечистых поляниц-богатырок, что в большом числе заполняли внутренний двор с фонтаном. Было видно, что эти воительницы, на которых приходилось смотреть снизу вверх, являются родней тем миловидным смуглянкам, которые встречали рязанскую делегацию. И в то же время, глядя на их длинные мускулистые руки и закинутые за спину прямые мечи, воеводе сразу верилось в рассказы о татаровьях, вместе с конями разрубленных одним богатырским ударом. Сразу было ясно – эти могут! Евпатий Коловрат – сам большой специалист в вопросах рубки врагов что мечом, что топором, и лично наблюдал то, что осталось от врагов после их удалой атаки, будучи весьма впечатлен результатами.

Были на той площади и другие девицы – худые как дочери Кощея, в маленьких круглых шапочках, вроде иудейских, прикрывающих их бритые наголо головы. Вооружены эти ожившие скелеты были короткими мечами. Опытный взгляд воеводы быстро определил, что, скорее, это знак статуса¹⁷, чем настоящее боевое оружие, а врага эти девицы разят как-то по-другому, например, при помощи смертоносных заклинаний – на такую мысль наводили их хмурые лица и тяжелые взгляды, которые они бросали на проходящих мимо делегатов. Мол, что вы за люди такие, и чего от вас ждать?

Были там также девицы, выглядевшие почти обыкновенно, но только дерзкое выражение на их лицах, чуть изогнутые клинки на поясе и специфические мозоли на руках (образующиеся от длительного обращения с мечом и луком), говорили о том, что они тоже относятся к воинскому сословию и задирать их весьма опасно. Быть может, у них и нет столько силы, сколько у

¹⁷ В феодальном обществе открытое ношение на поясе холодного оружия, кинжала или меча означает принадлежность к воинскому сословию.

длинноруких великанш, но зато они крайне храбры, ловки, и в силу этого опасны как ядовитые болотные гадюки, которые тоже не впечатляют своими статями, но зато способны убить любого за считанное число ударов сердца. Как понял Евпатий, как раз эти «обыкновенные» девицы и составляли тут у князя Серегина нечто вроде старшей дружины, хотя и не чванятся при этом перед остальными.

Несмотря на то, что воинство князя Серегина состояло почти из одних женщин, к тому же одетых весьма легкомысленно¹⁸, выглядело оно весьма грозно. С толпой мирных поселенок или горожанок этих дев мог перепутать только тот, кто вообще ничего не понимал в воинском деле. Тем более что Евпатий Коловрат имел честь наблюдать тех же воительниц в полной боевой экипировке и зимнем обмундировании, и не мог не признать, что и так – в кольчугах, полушубках, теплых штанах и сапогах – они смотрятся не менее грозно, ловко и грациозно, чем в легких летних нарядах.

Кстати, не только воевода и его спутники оценивали амазонок и прочих воительниц, но и амазонки тоже оценили их самих, признав дюжих рязанцев годными и для любовных утех, и для продолжения рода. Впрочем, это их личное амазонское дело, которое они никогда не выставляют напоказ, в отличие от своего тела. При этом «волчицы» отнеслись к воеводе и его помощникам почти равнодушно, ибо женская составляющая их личностей до конца еще не проснулась, а бойцовые и прочие лилитки, воспринявшие современный нам русский культурный код в более полном объеме, больше тяготели к мужчинами, не имеющим столь гипертрофированных признаков мужественности, какими отличались перекачанные до безобразия воины тринадцатого века. С мускулами у бойцовых лилиток и у самих все было в полном порядке. Этим их вряд ли удалось бы впечатлить. Им хотелось видеть в мужчинах ловкость, грацию и точность в движениях, сопряженные с силой; а также ум, участие и понимание – то есть, все то, чего им самим досталось от рождения в недостаточном количестве. Впрочем, если Евпатий Коловрат и его спутники вечером попадут на танцульки, возобновленные в заброшенном городе после ухода войска на зимние квартиры из мира Славян, то там и будет видно, кто их будет ангажировать и с какой настойчивостью. Но это будет потом, а пока стороны только составили друг о друге первое, в общем благоприятное, впечатление.

Еще одной приметной деталью, окончательно успокоившей главу делегации, были литые серебряные православные крестики на узких шейных шнурках и цепочках, хорошо видные на смуглой коже в распахнутом вороте почти у каждой такой боевой девицы. Не басурмане-язычники они, и не агаряне-магометане или латиняне-католики, а свои, русские-православные, пусть и непривычно выглядящие и говорящие так, что едва можно разобрать – но зато вступившиеся всей своей силой за землю рязанскую, которую без них татаровья обязательно положили бы пусту.

А силы этой у Серегина оказалось много, и в его войске было столько же воительниц, сколько есть воинов в рязанской и владими́ро-суздальской земле вместе взятых. Об этом ему сказал княжий воевода по имени Ингвар Половцев, со всем возможным почтением встретивший Евпатия Коловрата у входа в Башню Силы, в которой располагалась княжья резиденция. Другие три башни именовались башнями Власти, Мудрости и Терпения, но князь Серегин выбрал своим основным качеством именно силу. Наверно, именно поэтому в Башне Мудрости располагались жилища волшебников, в Башне Терпения – лекарей и нашедших убежище в тридевятом царстве монашествующих, а Башня Власти оставалась свободной, без постоянных обитателей. Как позже объяснил Евпатию Коловрату сам князь, ни он сам, ни кто-то из

¹⁸ Простые светло-зеленые шорты до середины бедра и жилеты без рукавов, открывающие руки до самых плеч – тропическая повседневная форма для ношения вне службы в мире Содома. Когда Единство получило трофей от разгрома аварского каганата, Серегин решил, что находящиеся на отдыхе воительницы имеют право одеваться красиво, стильно и удобно.

его приближенных не считает приемлемой Власть ради самой Власти – а именно такой смысл заложили в названия башен умершие несколько тысяч лет назад строители этого города.

Выслушав это объяснение, Евпатий Коловрат кивнул и шагнул в сумрак и прохладу Башни Силы, надеясь именно там, у князя Серегина, найти ответы на все тревожащие его вопросы. Ведь разгром одного монгольского тумена – это еще не разгром всего войска Батыги, которое все еще в состоянии несколько раз уничтожить всю рязанскую и владими́ро-суздальскую землю.

* * *

Тогда же и там же, башня Силы, рабочий кабинет капитана Серегина Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов

На переговорах с Евпатием Коловратом и его спутниками я присутствовала как член нашей управляющей пятерки, а точнее четверки, потому что в них не участвовал Дима Колдун. Не стоило смущать рязанских бояр зрелищем ребенка, на равных восседающего на взрослом совете. И кроме того – поскольку речь там должна была пойти о политике, а не о любимой магии, этот разговор был ему попросту неинтересен.

Воеводу и его спутников поражало тут все – от немигающего белого света магических светильников, имитирующих лампы дневного света, до гладко выбритого лица князя Серегина. И, конечно же, присутствие на совете женщин вводило делегатов в крайнее замешательство – ведь представительниц слабого пола в то время на Руси вовсе ни во что не ставили¹⁹. Однако они изо всех сил старались выглядеть невозмутимыми и скрыть свое удивление и даже некоторый шок, но мага разума не обманешь.

В итоге все получилось очень даже символично. Мы с Анастасией и Никой сели по одну сторону длинного стола для совещаний, установленного в рабочем кабинете Серегина, а рязанские гости расселись напротив нас; Серегин занял председательствующее место на одном торце стола, а отец Александр сел на другом. На сам стол (который был настоящим, а не магической имитацией) поставили кувшины с магической водой и высокие стаканы дымчатого стекла. Это сначала удивило наших гостей, привыкших, что на столы в таких случаях ставят греческое вино или хотя бы отечественные меды. Но распробовав водичку из нашего фонтана, они больше не возражали против ее «употребления». Дураков нет. От этого напитка, фигурировавшего

¹⁹ У большинства русских князей, оставивших свой след в истории, известны только отцы, а вот матери их, если не были дочерьми иностранных князей или королей, остались безымянными тенями, не покидавшими женской половины княжских теремов. Да что там далеко ходить – из пяти женских предков по прямой линии крайне знаменитого князя Александра Невского достоверно известны имена только его бабки – Марии Шварновны, княжны яской, супруги князя Всеволода Большое Гнездо, и пра-пра-прабабки (прозвище Мономахиня, личное имя неизвестно), матери Владимира Мономаха, незаконной дочери или родственницы византийского императора Константина IX Мономаха. И усе. Что касается матери святого русского князя, гвоздившего немчинов и шведов так, что только звон стоял, то историкам до сих пор не ясно, кто именно это был. Существуют две версии: 1. Вторая жена его отца (князя Ярослава Всеволодовича) по имени Ростислава-Феодосия, дочь торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного, которую тот после очередной усобицы вылившейся в Липицкую битву «забрал» у зятя в 1216 году. 2. Третья жена, дочь рязанского князя Игоря Глебовича, на которой отец Александра Невского якобы женился в 1218 году, когда исправлял должность владимирского наместника в рязанской земле. Примечательно, что дети, один за другим, у князя Ярослава Всеволодовича начали рождаться только с 1220 года, когда счастливому отцу стукнуло уже тридцать лет. Надо сказать, что и воспитывались княжич Александр и его старший брат Федор не матерью, а боярином Федором Даниловичем и тиуном Якимом в Новгороде, куда их посадил княжить отец в возрасте семи-восьми лет, чтобы с малолетства на практике постигать науку княжеского управления. Потом в возрасте тринадцати лет старший брат будущего Александра Невского умер, и тот остался самым старшим из здравствующих сыновей князя Ярослава Всеволодовича. Вот такие были тогда на Руси обычаи, а тут почитай что целое войско из двадцати тысяч хорошо вооруженных и прекрасно обученных воительниц. Как говорится, разрыв шаблона должен быть налицо, но Евпатий Коловрат был слишком хорошо воспитан, чтобы явно показывать свое удивление и шок на важных переговорах с потенциальным союзником против хана Батыя.

в русских народных сказках под названием «живая вода», в здравом уме пока еще никто не отказывался.

При этом Ника все время машинально катала в пальцах два маленьких бронзовых шарика, размером с грецкий орех, которые то заряжала энергией до предела (отчего они начинали ярко светиться), то забирала эту энергию обратно – и тогда в ее ладони, постукивая, катались шарики из обыкновенной бронзы.

Сидящий прямо напротив Ники Евпатий Коловрат как замороженный наблюдал за ее действиями, не в силах оторвать глаз от этих шариков, перекатывающихся в сильной женской руке с мозолями от рукояти меча. Вот тебе пожалте – еще один влюбленный или что-то вроде того. Оценил Евпатий и Никин кривой меч-махайру в невзрачных с виду ножнах и рукоятью, потертой от долгого употребления – от этого оружия, обладающего живой душой, исходила мрачная аура жестокой силы и кровавого убийства. Что-то было в Евпатии и Нике такое – мрачное и неудержимое – что делало их похожими как брата и сестру.

Но Ника прodelывала все эти манипуляции с шариками совсем не для того, чтобы произвести впечатление на рязанского боярина. Не сдался он ей никаким образом. Просто она была погружена в свои мысли и, как я уже говорила, делала это почти машинально. Бедная девочка все никак не могла разобраться со своими страстями и влечениями, и из-за этого изрядно нервничала, тем более что главный предмет этих страстей тоже сидел тут рядом.

– Ника Константиновна, – чуть повысив голос, произнес наконец отец Александр, взглядом указывая на постукивающие в ее правой руке бронзовые шарики.

– Ах да, отче, – сказала Ника и сделала серьезное лицо, после чего, втянув из шариков остаток энергии, сунула их в карман, к величайшему разочарованию Евпатия Коловрата.

После это мы все были готовы к деловому и содержательному разговору, но нам пришлось еще раз подождать, пока отец Александр не прочтет все надлежащие молитвы и не воззовет к благосклонности Небесного Отца. Как я понимаю, в этот момент наше заседание увеличилось еще на одного участника, ибо Творец Всего Сущего хоть одним ухом, но все равно слушал наш разговор с воеводой и его спутниками, без помощи которых наша затея против Батыева нашествия лишалась большей части своего смысла. Как говорил Серегин: «местные русичи должны сами объединиться против внешних и внутренних врагов, а мы должны их в этом только подстраховать от уничтожения – и не более того. Воевать вместо них с татарами, немцами, шведами и прочей Литвой бессмысленно и контрпродуктивно.»

– Итак, – сказал Серегин, едва молитва была закончена и все, перекрестившись, сели на свои места, – приступим, товарищи. Сразу должен сказать, что, по данным нашей разведки, в настоящий момент авангард основных сил Батыя по руслу реки Оки как раз приближается к Рязани, где их ждет большой и очень неприятный сюрприз. Туда же с полпути до Борисова-Глебова повернул и тумен Шейбани-хана, понесший на лесных тропах большие потери от действий наших летучих отрядов, отчего ему так и не удалось набрать полонян, необходимых для осады и штурма Рязани. Тумен Батыева темника Бурундая, который должен был разорить город Ижеславец с округой, нашел этот городок уже сожженным самими жителями – взрослые мужчины вооружились и ушли в леса, а женщины, дети, старики, монахи и монашки нашли временное убежище в наших краях...

На какое-то время наступила тишина, потом Евпатий Коловрат, прокашлявшись в бороду, произнес:

– Князь наш рязанский Юрий Игоревич просил меня искать союза против проклятого Батыги у князя черниговского Михаила Всеволодовича, но надсмехнулся надо мной Черниговский князь и повелел гнать взашей, промолвив, что это за то, что наши с ихними на Калку²⁰

²⁰ Битва на Калке между объединенными дружинами части русских князей, их союзниками половцами и монгольскими туменами Субэдея и Джебэ состоялась в 1223 году и русско-половецкое войско потерпело в нем сокрушительное поражение

не ходили. Ты же, княже Серегин, дал рязанцам помощь, даже когда тебя об этом не просили. Благодарствую тебя за тех рязанских жителей, что уже были спасены твоими воями от ярости поганных агарян. Благодарствую тебя за старых, за малых, за сирых и недужных, монасей и монашек – за всех, кто не может по возрасту или обету брать в руки оружие...

Сказав это, Евпатий Коловрат встал и поклонился Серегину в пояс. При этом мне, с моими возможностями мага разума, было хорошо видно, что все сказанное им идет из глубины души, и в этом нет ни капли фальши. Одновременно я почувствовала, что это же ментально стало известно и Серегину, и Нике, и Анастасии. Все чаще и чаще ментальная связь внутри «пятерки» стала срабатывать даже помимо нашей воли. Чем дольше мы находимся вместе, тем крепче соединяющие нас магические нити. Кстати, Серегин в ответ тоже встал и склонил голову перед Евпатием Коловратом.

– Не ради благодарности мы делали это, уважаемый Евпатий Львович, – произнес он, – а ради того, чтобы жила и расцветала русская земля. Не рязанская, не владимирская, не черниговская, киевская или новгородская, а именно единая русская земля, какой она была еще сто пятьдесят лет назад при князе Ярославле Владимировиче, прозванном Мудрым, или его внуке Владимире Мономахе. За доброе слово вам, Евпатий Львович, конечно, спасибо, но явись к вам Батый в те поры – и объединенное русское войско палками погнало бы его прочь обратно в степи, как шелудивого пса.

Евпатий Коловрат немного помолчал и вздохнул.

– Прав ты, князь, – молвил он, – многие неурядицы произошли на Руси со времен Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Но разве ж можно сейчас помыслить, что черниговец назовет братом рязанца, а киевлянин подаст руку помощи новгородцу?

– Помыслить можно, и не только помыслить, – неожиданно произнес до того молча сидевший отец Александр, над головой которого постепенно разгоралось бело-голубое свечение, видимое пока только теми, кто владел «особыми» способностями и талантами.

И хоть знакомого гроыхания в голосе священника слышно пока не было, я ничуть не сомневалась, что Отец наш Небесный уже здесь, все слышит, все видит и готов в любой момент вмешаться в ситуацию, если рязанские бояре проявят неуместное упрямство. Лицо Серегина при этом сделалось неколебимо спокойным, а обернувшийся на голос отца Александра Евпатий замер с приоткрытым ртом. Или он тоже был одарен (что при низком уровне магии в этом мире никак не влияло на его жизнь), или накал сияния был виден уже невооруженным глазом. При этом он не стал падать на пол и биться лбом, как сделали бы некоторые слабонервные кликуши, а только прочитал короткую молитву, перекрестился, вытащил из-за ворота рубахи и поцеловал нательный крест. Но сияние и не думало никуда исчезать, тогда воевода произнес: «Верую в тебя, Господи, иже еси на небеси» и замолчал, ожидая дальнейших речей то ли от Серегина, то ли от отца Александра.

– Помощь, – сказал Серегин, – стоит давать только тому, кто готов помочь себе сам. Бесполезно лечить от болезни того, кто не хочет жить, и бессмысленно спасать того, кто он горя готов утопиться неважно где – в реке или в вине. До тех пор, пока нет единства в русских землях и русских людях, любой, даже очень слабый, завоеватель сможет сломать их поодиночке как тонкие прутки. В единстве сила, в розни слабость.

– Этот человек прав и глаголет чистую истину, – со знакомыми гроыхающими нотками произнес голос отца Александра, – внемлите ему или приготовьтесь принять то, что приготовила для вас неумолимая судьба. Руси нужен свой император, князь князей, который объеди-

из-за несогласованности действий между князьями и неистребимой трусости половцев, бросившихся в бегство в самый критический момент битвы. Известно, что плененные в этой битве русские дружинники и князья были уложены на землю, а поверх них были настелены доски, на которых уселись пировать монголы – и все пленные к концу это пира, как писали летописи, «издохаша». Именно поэтому Серегин дал приказ не брать в плен татар и монгол мужского пола, которые в состоянии держать в руках оружие.

нит всех, сжав в свой железный кулак и под эгидой которого украсно украшенная земля русская отныне будет процветать вечно.

– Господи, – взмолился Евпатий Коловрат, – значат ли эти слова, что этим князем князей должен будет стать твой князь Серегин из тридесятого царства, тридевятиого государства?

– Отнюдь нет, – ответил Серегин, – я лично тут вообще ни на что не претендую. Вот только наведу тут немного порядок и проследую дальше, к следующим мирам и странам. А князем князей должен будет стать князь Новгородский²¹ Александр Ярославич, сын нынешнего киевского князя Ярослава Всеволодовича... Не так ли, Отче?

– Все так, сын мой, – громыхнул в ответ голос Небесного Отца, – ты полностью прав. Однако на сем я пока умолкаю, надеясь на благоразумие этих весьма уважаемых людей.

Главные слова произнесены, сияние притухло до минимума – и это означает, что теперь Отец Небесный если теперь и слушает нас, то вполуха. Серегин же только кивнул и вопросительно посмотрел на Евпатия, для которого воистину наступил момент истины. А вдруг он подумает, что мы здесь, в своей стране колдунов, просто душим ему голову, желая сделать свои маленькие гешефты.

Я даже вижу сомнения, одолевающие этого сильного человека – ведь на кону стоит вся его привычная жизнь «по старине»; его маленький уютный мирок рязанской земли, ни от кого не зависимый и полностью самостийный, пропадет неведомо куда, а на месте всего этого окажется до предела централизованная империя вроде Византийской или хотя бы русский каганат времен Владимира Святого или Ярослава Мудрого, когда правильным было только одно мнение киевского князя, а все остальное беспощадно подавлялось.²²

При этом Евпатий Коловрат отчетливо понимал, что монголо-татары Батыя способны разрушить его привычный мир еще быстрее и радикальней, причем разрушить в самом буквальном смысле. Сжечь города и села, убить женщин и детей, угнать в рабство всех, владеющих хоть каким-то ремеслом – то есть положить пугу сперва рязанскую, потом владимирскую, а затем и остальные русские земли.

И это будет, пожалуй, зло посильнее, чем образование на русских землях новой Империи вместо той, что была разрушена на Босфоре крестоносцами-латинянами. Кроме всего прочего, князем князей будет назначен не таинственный и загадочный чужак из вечно жаркого тридевятиого царства, а свой, совсем молодой новгородский князь из числа потомков Всеволода Большое Гнездо, с которым наверняка можно будет договориться, чтобы как можно дольше сохранить независимость рязанской земли... Самое главное сейчас, согласившись на все, получить помощь против Батыги, а там можно будет и посмотреть, выполнять поставленные условия или нет.

В любом случае ответственность за нарушение данного слова придется брать на себя князю Юрию Игоревичу рязанскому, а не ему, простому воеводе и боярину. Да, он не боится с оружием в руках встать перед любой вражьей ратью и биться с ней до тех пор, пока есть в жилах хоть одна капля крови, а руки могут наносить и отражать удары; но он страшится и не хочет принимать решение за всю Русь. Если б было можно, он вообще постарался бы

²¹ В 1236 году отец будущего Александра Невского отъехал из Новгорода для княжения в Киев, посадив вместо себя на новгородский стол пятнадцатилетнего старшего сына самостоятельным князем. И Александр Ярославич довольно неплохо управлялся с новгородским княжением, вплоть до того, что в девятнадцать лет сбросил в Неву шведский десант ярла Биргера, показав, что слухи о гибели Руси под татарским натиском несколько преувеличены.

²² Не зря же первая гражданская война на Руси была по смерти княгини Ольги, между рожденным от служанки (рабыни) Малуши Владимиром и старшими законнорожденными сыновьями Святослава – Ярополком и Олегом. Было на Руси три потомка Рюрика, а в итоге остался только один. Примерно то же произошло и по смерти самого Владимира, только там зачинщиком смуты оказался Святополк, прозванный Окаянным – усыновленный Владимиром посмертный сын Ярополка, подославший убийц к своим братьям Борису, Глебу и Святославу, но проигравший гражданскую войну Ярославу, будущему Мудрому, опиравшемуся на новгородскую вольницу и наемную варяжскую дружину. Во время междоусобной битвы на Альте Святополк был побежден, бежал в неизвестном направлении (то ли к печенегам, то ли к чехам, то ли к ляхам), сошел с ума и умер во время этого бегства.

избежать выбора, а вместо того встал бы с мечом в первые ряды войска и рубился с врагом до изнеможения.

И даже глас божий тут не подмога. Он вызывает у Евпатия Коловрата такое ощущение, будто он стоит на краю пропасти, ведь пропасти безразлично то, сколько у тебя силы и мужества – она просто поглотит тебя целиком и без остатка. Кроме того, где-то на дне его воспоминаний лежат греческие слова, которым маленького Евпатия в раннем детстве учил отец, византийский спафарий эмигрировавший на единоверную Русь после того как в 1204 году Константинополь был захвачен латинянами, а Византийская империя пала в прах, разбившись на множество осколков. Был бы жив старый спафарий Лев, он бы ни одной минуты не колебался, выступив за Империю, а вот сын его с малых лет врос в местную реальность и просто не представлял себе, как можно вести дела по-иному.

– Помилуй, княже, – взмолился несчастный Евпатий Коловрат, поднявшийся со скамьи и еще раз кланяющийся Серегину в пояс, – видит Бог, что я малый человек. Не моего ума это дело. Мне бы меч и щит в руки, да встать поперед войска, чтобы было понятно, что впереди враг, а позади свои, и рубить того врага мечом вмах, чтобы только клочья летели во все стороны.

– Хорошо, Евпатий Львович, – кивнул Серегин, – пусть решают князья, и пусть на их же голову и падет ответственность, если они решат хоть что-то не так. Божью волю ты слышал, и если какому-нибудь князю она не понравится, то он сам сможет подискутировать об этом с самим Всевышним. Аудиенцию таким умникам я обеспечу. А ты, боярин, пойдешь от меня послom к своему князю Юрию Игоревичу. Пусть знает, что спасти землю русскую мы будем с ним или без него. Встанем перед врагом своими полками и всей прочей своей силой, и будем истреблять его всеми способами при любой возможности, пока не истребим насовсем, чтобы не было его больше никогда и нигде. Русская земля нам всем мать, а свою мать положено защищать. Но ты обязательно должен сказать ему, что тот, кто будет не с нами, тот будет против нас; а своих врагов, если они не сдаются, мы уничтожаем. Но что бы там ни вышло с князьями, твоей вины в этом не будет.

Вздых облегчения, который издал после этих слов Евпатий Коловрат, был больше похож на тот звук, который издает паровоз, останавливаясь на станции.

– Все исполню, княже, – еще раз поклонился он, – и речь твою князю рязанскому передам слово в слово. Но ведь над рязанскими князьями по старшинству и многолюдству дружин сидят князья владимирские и суздальские, которые уже не раз воевали рязанскую землю.

– Разберемся и с владимирскими князьями, дай только срок, – отмахнулся Серегин, – тем более что это не шпана вроде того же Михаила Всеволодовича Черниговского, о котором ты мне рассказал только что. В Рязань мы вас вместе со всей малой дружиной доставим завтра утром на рассвете. В этом для нас нет ничего невозможного. А пока мы приглашаем всех твоих воев сюда к нам. Можете отдыхать с дальней дороги и смотреть, как живет мое войско, какими воинскими умениями владеет, и как умеет отдыхать, когда для этого есть время и возможности. И вообще, господа бояре, рекомендую посетить наши вечерние танцы. Вам должно там очень понравиться.

Кстати, я, кажется, поняла жутковатый юмор Серегина. Ведь в его мысленной интерпретации «организовать аудиенцию у Всевышнего» означало попросту убить. Думаю, что в ближайшее время на русских князей нападет массовый мор, который изрядно проредит их поголовье, а то, как говорит милейшая Ольга Васильевна, «на Руси сейчас куда ни плюнешь – попадешь в рюриковича».

* * *

21 декабря 1237 Р.Х. День десятый. Вечер. Рязанское княжество, место впадения в Оку реки Прони примерно в шести километрах вверх по течению от Старой Рязани

Прихотливо петляют по земле русские реки, огибающие возвышенности и накручивающие свои извивы там, где можно было бы течь прямо, поэтому основное монгольское войско, отставшее от авангарда на четверть дневного перехода, не могло видеть то, что сотворил Серегин с передовым туменом храброго Кюльхана, самого младшего из сыновей Чингисхана²³.

Сам Батый находился на льду реки Прони километрах в десяти позади авангарда. Вообще-то в нашей истории Рязань пала уже в ночь с 20-го на 21-е декабря, но тут из-за затяжного бурана даже сутки спустя после этой даты у Бату-хана в вопросе захвата Рязани еще и конь не валялся. Во-первых – надо было еще дойти до самого стольного города Рязанской земли и лишь потом думать, как прорываться за его хорошо укрепленные стены. Во-вторых – по всему выходило, что при штурме татарскому войску придется проливать свои пот и кровь, а не гнать впереди себя толпы вооруженного дубинами полона, на который защитники города и должны были растратить свои силы. В-третьих – Бату-хана беспокоило то, что уже третий день от Субэдея-багатура не было ни одного гонца с донесением. Оставалось неизвестным, где он в настоящий момент находится вместе со своим туменом, взят ли вообще это дурацкий Пронск, и сколько поимано при этом полона.

Полон, полон, полон, полон. Необходимость в нем была настолько настоятельна, что Батый ни на секунду не мог забыть о том, что если тумены Бурундая, Субэдея и Шейбани не пригонят ему толпы полураздетых и связанных урусов, то положение его войска станет просто катастрофическим. Из толпы пленных хан и темники обязательно отберут несколько десятков нежных белокожих молоденьких урусутских девочек для своих личных забав, а всех остальных как охапки хвороста бросят в огонь войны. В противном случае под этой гадкой Рязанью может лечь до половины его армии²⁴.

Но не успел Бату-хан додумать эту мысль, как впереди – там, куда ушел авангард под предводительством Кюльхана – вдруг раздался приглушенный расстоянием грохот, похожий на одновременный взрыв тысяч китайских петард – и тучи сидящих по деревьям ворон, слетевшихся в Рязанскую землю со всех окрестных краев, с запыленным граем поднялись в воздух и, каркая, начали нарезать круги над монгольским войском, нет-нет роняя вниз свой помет.

Бату-хан – наивное, пусть и жестокое, дитя природы – не придал этому грохоту значения, потому что современные ему модели огнестрельного оружия и маломощные петарды годились только для того, чтобы на поле боя пугать слабонервных крестьян-новобранцев, и занимались

²³ Хан Кюльхан, погибший в пятидневной битве у Коломны, был единственным чингизидом, сложившим голову на поле боя за всю историю монгольских завоеваний. Так как монгольские темники никогда не вели за собой войска в атаку, а наблюдали за битвой из задних рядов своего войска, с безопасного расстояния, то гибель темника могла означать только то, что на первом этапе битвы при Коломне монголо-татарский авангард попал в засаду и был истреблен до последнего человека. Поэтому и Авторы тоже считают, что какую бы пакость продвигающемуся к Рязани монгольскому войску ни организовал Серегин – отдуваться за нее все равно придется тому же Кюльхану.

²⁴ При штурме турецкими войсками укрепленного острова Родос, который обороняли шестьсот рыцарей иоаннитов, пятьсот наемников и пять тысяч греков-ополченцев, стотысячное турецкое войско ни много ни мало потеряло сорок тысяч воинов. При этом потери обороняющихся составили примерно четыреста рыцарей и две тысячи ополченцев и наемников, а турецкий султан сказал, что за такую хорошую крепость он не пожалел бы и еще ста тысяч набранного по разным базарам сброда. Так что при неблагоприятном развитии обстановки Бату-хан действительно мог положить под стенами Рязани половину своего сорокатысячного войска.

изготовлением таких пороховых игрушек исключительно вассальные монголам китайцы²⁵. Но это и стало его роковой ошибкой.

То, что творилось у места слияния Прони и Оки, иначе как Апокалипсисом назвать было нельзя. Заряженные энергией хаоса магические фугасы, чей заряд эквивалентен начинке двенадцатидюймовых фугасных снарядов, были опущены на дно Оки через высверленные пешнями лунки от самого слияния Оки с Проней, и дальше вниз по течению на протяжении пяти километров – фактически до самых стен Рязани. Тяжелые и хорошо обтекаемые бронзовые шары безо всякого сноса, нырнув в лунку, тут же ложились на дно, гарантируя подрыв почти в том же месте, где их опустили под воду. При этом шахматное расположение этих зарядов гарантировало, что на всем протяжении этого минного заграждения вдоль речного русла не останется ни одного кусочка льда, на котором мог бы удержаться хоть конный, хоть пеший.

Когда командовавший засадой капитан Коломийцев (куда же без него) увидел, что на заминированный участок русла в полном составе втянулся весь татарский авангард, то он, вместо того чтобы нажать кнопку на дистанционном пульте или крутануть ручку подрывной машинки, просто дал команду «взрывай» лежавшей рядом с ним бывшей жрице храма Вечного Огня по имени Лариса, которой Кобра передала иницилирующее заклинание для управления как раз такими магическими фугасами.

Услышав эту команду, Лариса прошептала несколько слов, являющихся ключом к инициации уже готового заклинания, после чего шары-носители, лежащие на дне Оки, практически одновременно высвободили закачанную в них энергию Хаоса. Капитану Коломийцеву больше всего запомнились огромные, высотой с десятиэтажный дом, столбы водяных брызг, перемешанных с битой ледяной крошкой, которые снизу подсвечивало багровое адское пламя – кратковременное, но впечатляющее зрелище, исполненное грозного величия и устрашающей мощи. Любо-дорого было посмотреть и на то, как монголо-татары вместе со своими конями летали по воздуху аки птицы. Бумс тоже был вполне замечательный, и от него чуть не оглохли бойцы разведбатальона, которых капитан Коломийцев вытащил к самому руслу Оки вместе со станковыми пулеметами и АГСами для добивания врагов, спасшихся при подрыве фугасов.

Сделал он это потому, что ни он, ни старший лейтенант Антонов с магическими фугасами непосредственно на поле боя еще не работали и ничего не знали об их боевых возможностях. А возможности оказались просто замечательные. Те из татар, которые не были убиты сразу, получили тяжелые контузии и мгновенно с головой оказались в ледяной воде русской реки, что смертельно и само по себе, а не только в сочетании с минно-взрывными травмами. Некоторые из тех монголов, которых взрыв подкинул в воздух, пролетели от ста пятидесяти до двухсот метров, поднявшись выше верхушек самых высоких деревьев, а другие вместе с конями грохнулись чуть ли не на головы сидящих в засаде.

Когда метрах в десяти от тебя в кусты падает болтающая в полете руками и ногами вонючая монгольская тушка, а совсем неподалеку от нее с отчаянным ржанием валится и насмерть разбивается лохматый конек в полной сбруе и при седле, то незабываемые впечатления гарантированы на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, капитан Коломийцев, убедившись, что выживших при подрыве фугасов нет, приказал своим бойцам подниматься, вставать на лыжи и умахивать туда, где теперь должен был открыться эвакуационный портал.

Слышали этот взрыв и в Рязани, где он неумеренно переполошил всех – от самого рязанского князя Юрия Игоревича и высшего духовенства до простых горожан. К тому же от этого взрыва в теремах богатых и знатных вылетели все дорогушие слюдяные окошки, а вот бычьи

²⁵ У некоторых историков есть подозрение, что во время Ледового побоища лед на Чудском озере под ливонскими псами-рыцарями треснул не просто так, а после подрыва нескольких пороховых зарядов, заложенных китайскими инженерами, которых Александру Невскому прислал Батый, на тот момент уже бывший его союзником против католической Европы. Уж больно спланированными именно под это событие выглядят все действия князя Александра перед началом и во время Ледового побоища.

пузыри и промасленный тонкий холст в окнах домов простых людей по причине своей эластичности отреагировали на взрывную волну не так бурно, вследствие чего уцелели. Напрасно караульные, дивясь и недоумевая, смотрели со стен в сторону клонящегося к горизонту багрового солнечного диска – ничего, кроме края огромной полыни, в которую одновременно превратилась Ока, на месте подрыва не наблюдалось.

Высланная к месту происшествия разведывательная партия из нескольких опытных воев вернулась ни с чем, оставив князя в тягостном недоумении от всего происходящего. Не считать же результатом разведки зрелище туши монгольского коня, заброшенного взрывом на вершину высокого дерева, где он представлял собой бесплатное угощение для слетевшихся отовсюду ворон. Правда, потом нашлись видоки (очевидцы), которые утверждали, что перед самым большим громом, раздробившим лед на Оке, видели в небе лики Иисуса Христа, а также одетой в полный воинский доспех Богородицы, Святого Георгия, Ильи-пророка или архангела-архистратига Михаила – у кого на что хватило фантазии, взбудораженной необычными событиями.

Сорванный взрывом с головы Кюльхана богато изукрашенный шлем найдут в окрестностях Рязани только через пару сотен лет. В те времена все произошедшее зимой 1237-38 годов уже станет далекой историей и обрастет различными былями и легендами, а князь Серегин окончательно обретет облик сурового архангела с огненным мечом, посланного Творцом для спасения самого лучшего его творения – Святой Руси.

* * *

Тогда же и там же полтора часа спустя

Когда к месту уничтожения авангарда прибыл сам Батый со всеми своими туменами, то зрелище уже подмерзающей полыни и разбросанных по окрестному лесу лошадиных и человеческих трупов привело его в состояние неопишуемой ярости, тем более что лесные следопыты из числа пошедших на службу к монголам мокшан²⁶ тут же бросились в лес – и на противоположном от Рязани берегу Оки почти сразу нашли лежки засады, незаметные только со стороны речного русла, но легко обнаруживаемые, если идти прямо по лесу. Люди, которые там находились, явно наблюдали за уничтожением авангарда, после чего собрались, встали на лыжи и ушли по тропам вглубь леса, где их следы неожиданно обрывались, будто они улетели на небо или провалились сквозь землю.

Батый кричал и топал ногами на своего вынужденного вассала мокшанского каназора (царя) Пуреша, требуя найти этих неизвестных, являвшихся очевидцами и, быть может, виновниками гибели монгольского авангарда, но и сам Пуреш, и его сын Атымас только пожимали

²⁶ **Историческая справка:** Пуреш (Каназор Пуреш) (???? – † 9 апреля 1241), мокшанский царь (каназор), глава раннефеодального политического образования мокшан, (в русских источниках упоминается как «Пурешева Волость»), объединявшего ряд княжеств. Имел сына Атымаса и дочь Нарчат. В русских летописных сводах XII и XIII веков Пуреш упоминается как современник Пургаса и его основной соперник. Земли, объединённые под властью Пуреша, включали бассейны рек Цны, Вада, среднего течения рек Мокши и Суры. Одержал ряд побед в войнах с русскими княжествами. С 1220 – союзник Владимирского князя Юрия в войне с эрзянским князем (князем) Пургасом и болгарским ханом Алмушем за устье Оки. Поддерживал союзнические отношения с половецким ханом Котьяном. Нашествие монголо-татар в сентябре 1236 года поставило Пуреша перед выбором, так как его владения, расположенные в лесостепной зоне, были открыты для монгольской конницы. Приняв предложение Батыя, Пуреш стал его вассалом и вместе со своим войском сопровождал монголо-татар в их Западном походе. Очевидно, что без помощи опытных лесовиков мокшан степняки чувствовали бы себя на лесистых просторах Северо-Восточной Руси как выброшенная на берег рыба, и вся зимняя кампания Батыя 1237-38 годов была бы невозможна. Расплата за службу монгольским завоевателям была неожиданной и кровавой. В начале апреля 1241 года, перед битвой под Лигнице, остаток мокшанских воинов под предлогом отдыха уставших частей был выведен в резерв, разоружен, а потом в ночь с 8 на 9 апреля все они были внезапно убиты, и первыми в этой резне погибли царь Пуреш и его сын Атымас. Так закончилась история службы мокши монгольским завоевателям. Узнав о гибели отца и брата, Нарчат подняла восстание, собрала войско и с этим войском целый год опустошала монгольские тылы. Все это продолжалось ровно до тех пор, пока из Европы не вернулся Батый с основным войском и не утопил в крови восставших мокшан, которых не поддержали ни волжские болгары, ни русские князья, преданные ими ранее.

в ответ плечами и говорили, что они сами ничего не понимают. Но судя по всем признакам, на монголов разозлились очень могущественные лесные духи, потому что только они могут ходить по лесу не оставляя следов (иначе какие же они духи) и переносить людей с места на место. Тем более и сами мокшанские проводники тоже находятся в немилости у этих духов. Множество воинов мокши, пошедших разведать лесные тропы, пропало безвестно, другие же потом были найдены убитыми, обычно повешенными на осине за шею...

Из этого разговора Бату-хан сделал вывод, что его вассал прикладывает все возможные усилия для того, чтобы увильнуть от исполнения своих вассальных обязанностей и избежать конфликта с этими самыми лесными духами. А это было нехорошо, причем настолько нехорошо, что требовало радикального решения этого вопроса. Вассал, уклоняющийся от боя с врагом своего господина, становится бесполезен ему, и даже опасен тем, что враг, узнав о таком вассале, всегда сможет нанести монголам удар в спину, а воины мокши не шевельнут и пальцем, чтобы это предотвратить. А враг Бату-хану и монголам на этот раз попался незаурядный. «Белые мангусы» были хитры, жестоки и иногда настолько сверхъестественны, что даже бывалые монгольские нойоны чесали вшивые головы, не понимая, чего от них ждать дальше.

При этом Бату-хан хорошо понимал, что казнить царя Пуреша и его сына, как и остальных воинов мокши, было бы крайне нежелательно – не в том он сейчас положении, чтобы разбрасываться людьми, особенно лесными проводниками. На их помощи построен весь план похода на Русь, и если прямо сейчас от них избавиться, то надо будет возвращаться к в свои степи несолоно хлебавши. Нет, лучше всего использовать мокшан вместо рабов на тяжелых осадных работах, а потом в первых рядах бросить на штурм стен. Пусть хитроумный царь Пуреш и его сынок падут во время штурма от рук рязанцев, а если они все же уцелеют, то надо будет послать к мокшанам своих надежных людей. Кто в сутолоке битвы обратит внимание на несколько ударов в спину, которые лишат мокшу их властителей...

А чтобы обеспечить себе лояльность мокшанского народа, который незаменим при войне в условиях поросших лесом урусутских равнин, надо вызвать к себе в войско дочь Пуреша по имени Нарчат и сделать ее своей походной наложницей. Просто замечательная мысль, если не сказать большего, потому что эта дикая штучка, вообразившая, что она тоже воин, очень хороша собой – не то что большинство его монгольских старших жен, обычно грязных и кривоногих. А дурь из нее он повыбьет, причем лично на коврах в своей юрте, пусть только она приедет в войско и окажется в полной его, Бату-хана, власти.

Во всем остальном положение монгол становилось все тревожнее и тревожнее. Пока все войско вместе, оно находится в относительной безопасности, на большие отряды «Белые мангусы» не нападают²⁷. Но стоит монголам начать рассылать фуражиров, так сразу снова начнутся значительные потери. А если этого не делать, то войско будет обречено на смерть от бескормицы, потому что запасы продовольствия и фуража находятся на исходе.

И самое главное – больше не передвигаться по русским рекам, чтобы не попасть в ту же ловушку, что и несчастный Кюльхан. Если считать проклятого Гуюка, которого «белые мангусы» в голом виде повесили на осине, это был второй чингизид, погибший во время этого несчастного похода. И скольких родственников он еще лишится, Бату-хан пока не знал. Смерть кружила вокруг монгольского войска, высматривала свои жертвы, ожидая только удобного момента, чтобы сунуть в свой глубокий мешок какого-либо темника или чингизида.

Еще раз вспомнился Гуюк – голый и страшный, висящий чуть наискось, с выкаченными глазами и высунутым языком. Табличка, прибитая гвоздями к ханской груди, гласила, что так будет с каждым, кто пойдет войной на урусов (пленный монах, опасаясь за свою жизнь, смягчил перевод). Если сказать честно, то всех воинов, кто видел это непотребство, произведенное

²⁷ Бату-хану пока еще неизвестно о гибели тумена Субэдея, в противном случае он бы не был так самоуверен в своих утверждениях.

над потомком Чингисхана, следовало бы казнить, не дав им раскрыть рта, тем более что это были кипчаки. Но, во-первых – это были кипчаки его старшего брата Орды-ичена, который очень ценил своих людей, даже таких никчемных как эти, а во-вторых – прежде чем весть об обнаружении тела дошла до Бату-хана, на покойного Гуюка успела полюбоваться половина тумена Орды-ичена и некоторые воины из других туменов, в том числе и из его собственного, так что это дело придется спускать на тормозах. И вот теперь вслед за мерзким Гуюком длинные руки «белых мангусов» дотянулись и до Кюльхана, который лично ему, Бату-хану, не сделал ничего плохого.

На всякий случай Батый вызвал к себе сопровождавшего его Ставку весьма сведущего в искусстве пиротехники китайского инженера по имени Старый Лю и приказал тому рассчитать, сколько огненного зелья понадобилось бы для того, чтобы отправить на небеса монгольский тумен, взорвав на реке лед на протяжении почти целого ли. Причем местами сила взрыва была такова, что монгольских всадников отбросило на пару сотен шагов или даже более, а некоторые из них даже оказались закинута на верхушки деревьев, где стали поживой довольных ворон. Такой экзотической кормушки им еще никто не устраивал. Старый Лю обещал все посчитать и с точностью доложить результаты своих изысканий, правда, он добавил, что и так понятно, что пороха должно было понадобиться много, то есть очень много.

В любом случае, несмотря на траурные мероприятия по пропавшему без вести и скорее всего погибшему ужасной смертью Кюльхану и почти пяти тысячам его воинов, с осадой Рязани следовало поторопиться. Именно там, за стенами этого крупного по местным меркам города, находился так необходимый монголам запас продовольствия и фуража, а также потенциальный полон, который поможет монголам взять на копье остальные урусутские города. Правда, высланная вперед разведка уже успела доложить, что селения вокруг Рязани пусты и даже сожжены, а люди, фураж и продовольствие, скорее всего, уже находятся внутри городских стен.

* * *

22 декабря 1237 Р.Х. День одиннадцатый. Утро. Рязанское княжество, стольный град Рязань (Старая), княжий терем

Рязанский великий князь Юрий Игоревич

Ночь, в которую город оказался осажден несметной монгольской ордой, у рязанцев прошла беспокойно. Если брать все население стольного града, включая женщин, детей, грудных младенцев и седых стариков, то выходило тысяч восемь. А под стенами города, светя факелами и гнусаво переговариваясь, расплзлось сонмище дикарей, в пять раз превышающее все городское население. Валы, окружающие город, были высоки, их склоны круты и политы водой; стены, сложенные из стволов в один обхват, крепки, а их защитники сильны и отважны – но все равно, когда на каждого дружинника или воя городского ополчения приходится от полусотни до сотни врагов, ситуация выглядит почти безнадежной. Бревна городских стен можно разбить при помощи осадных машин, сильных защитников, вставших насмерть в воротах и проломах, утомить при помощи постоянно сменяющихся друг друга атакующих; после чего злобный враг ворвется на улицы Рязани – и тогда не будет спасения ни старым, ни малым.

Правда, в полдень предыдущего дня, за несколько часов до прихода монгольского авангарда, тут же уничтоженного неведомо кем и неведомо как, в Рязань по коротким лесным тропам с малой дружиной прискакал пронский удельный князь Владимир Михайлович, привезший известие о ночном сражении под Пронском и полном, до единого человека, уничтожении целого монгольского тумена. Захлебываясь от восторга, юноша рассказывал о том, как вспыхивали в черном ночном небе колдовские солнца, как под градом болтов погибали монголы, и как их остатки были добиты в последней атаке высокими белыми всадниками на рослых конях.

Известие, конечно, радовало, но одновременно заставляло и задумываться, потому что вместе с этой доброй вестью пронский князь привез и несколько историй о том, как те же «белые всадники» начисто разорали села и веси вокруг Пронска, неведомо куда угоняя скот и людей, а также вывозя припасы²⁸.

Возможно, что напавшие на монголов «белые всадники» сами хотели завоевать Рязанскую землю для себя самих, а потому и мешали ее разорению монголами. Великий рязанский князь четко понимал, что войско, показавшее способность в ночном бою вчистую вырубить монгольский тумен, является весьма опасным противником. Даже если не брать в расчет загорающиеся среди ночи колдовские огни и возможность их лошадей скакать, едва касаясь копытами поверхности сугробов, рослые всадники на мощных конях сами по себе имели над низкорослыми монголами на мелких лошадаках значительное преимущество.

Сначала Юрий Игоревич подумал было на ливонских рыцарей, которые поверх доспехов тоже надевали белые балахоны. Но потом отказался от этой мысли, поскольку, во-первых, рыцари были не очень хороши в стрельбе, и поэтому таранным копейным ударом предпочитали начинать, а не заканчивать битву; а во-вторых – их кони все же не могли летать над сугробами; и, наконец, в-третьих – Рязанская земля находилась слишком далеко от Ливонии, и рыцарям просто неоткуда было здесь взяться. Таким образом, вопрос о том, кто такие «белые всадники», на тот момент оставался для князя открытым, и у него не было абсолютно никаких соображений на этот счет.

Вечер и ночь в Рязани прошли в тревожных хлопотах, связанных с прибытием монголов. И хоть понимал рязанский князь, что Батыга не бросится с ходу на штурм городских укреплений, но все равно ему было боязно – уж больно великая вражья сила подступила к стенам Рязани. К тому же не у него одного тряслись поджилки от зрелища множества факелов и костров, полукольцом окруживших городские стены, поэтому князю приходилось проявлять и внешнюю невозмутимость, и всяческое внимание к делам обороны, успокаивая, распекая и наставляя нерадивых и растерянных, и хваля тех, кто вел себя примерно.

А утром, когда, казалось, все уже улеглось, случилось такое, что ввело в ступор не только стражу у ворот с наглухо заложёнными ушами²⁹, но и самого князя Юрия, когда ему доложили об этом. А случилось там вот что. Сразу за опущенной кованой решеткой, чтобы никакой лазутчик или супостат, тайно проникший в город³⁰, не смог пробраться к запорам и распахнуть ворота перед неприятелем, прямо в воздухе открылся четко очерченный проем, и через него в Рязань важно и неторопливо въехали воевода Евпатий Коловрат, а с ним и вся сотня воев малой дружины.

Ошеломленные стражники, поняв, что они напрасно протирают глаза – видение никуда не исчезает – принялись неистово осенять себя крестным знаменем и возносить молитвы.

Вот это было поистине чудо чудное и диво дивное, а еще демонстрация того, что, кто бы это ни сделал, в случае необходимости он не будет штурмовать городские стены, а просто введет свое войско прямо внутрь города. При этом многих дружинников было не узнать, поскольку они щеголяли в новеньких доспехах, каких ранее на Руси еще не видывали. Торжественно, будто так это и положено, Евпатий Коловрат и его малая дружина проехали по главной улице Рязани, ведущей к князьему терему, после чего вои спешили, и воевода поднялся на высокое крыльцо к ожидающему в нетерпении князю Юрию Игоревичу.

²⁸ Первые эвакуированные в мир Содомы поселяне вернулись к пепелищам своих очагов сообщить о том, что они живы, здоровы и их никто не удерживает силой, только после отъезда пронского князя в Рязань.

²⁹ «Заложить уши» в те времена означало запереть ворота, заложив специальные дубовые бруссы, перекрывающие воротный проем от одного опорного столба до другого в специальные металлические скобы, именуемые ушами.

³⁰ Междоусобные войны на Руси были к XIII веку уже обычным делом и, видимо, частенько ворота в городах открывались изнутри, чтобы помочь победе «нужного» князя. Вот и в данном случае стража действует строго по уставу – при приближении неприятеля уши заложить, а внутреннюю решетку опустить.

– Дюже важные у меня вести, княже, – сказал Евпатий Коловрат, склонив перед Юрием Игоревичем голову, – что хочешь делай, но обсказать тебе я их могу только наедине. А то потом превратных толков не оберешься, уж больно все диковинно и запутанно.

– Михаил Всеволодович Черниговский... – начал было говорить князь, но Евпатий Коловрат покачал головой.

– Совсем нет, – вполголоса ответил он на невысказанный вопрос, – черниговский князь крутил мне дули и по-всякому лялся на тебя и всех рязанцев. От Чернигова мы помощи не дождемся, пусть даже легион чертей выйдет из ада и нападет на рязанскую землю. Подмога конно, людно и оружно придет к Рязани совсем с другой стороны, но у этой подмоги, княже, к нам есть свои условия...

– Погодь, Евпатий, – наморщил лоб князь Юрий Игоревич, – неужели твоя подмога – это пресловутые белые всадники...

– Т-с-с, княже!!! – предостерегающе зашипел Евпатий Коловрат, – я сам был в их тридесяти царстве, тридевяти государстве, где царит вечное лето и пахнет ладаном и миррой как в божьем храме, а также сам разговаривал с их Великим князем Серегиним. У этого князя волчьи зубы и свирепая хватка, и лучше будет, если о его предложениях узнаешь только ты и больше никто.

– А они? – спросил князь, – указывая глазами на дружинников из сопровождения Евпатия Коловрата, которые весело переговаривались со своими товарищами, при этом заражая их своим безудержным оптимизмом – мол, теперь все будет хорошо, на помощь придут полки могучих воительниц, враг будет разбит и повержен, после чего последует стремительный ответный поход в степи, разгром вражеских кочевий и богатейшая добыча, какой на Руси не видавали со времен киевского князя Владимира Мономаха. Кроме того, некоторые дружинники делились с товарищами и подробностями своих сексуальных приключений с лилитками всех мастей и амазонками. А порассказать было что...

– Они, – так же тихо произнес Евпатий Коловрат, – видели только внешнюю сторону тридесяти царства, поплясали с тамошними богатырками и повалили их по постелям, но отнюдь не были при моем разговоре с тамошним князем Серегиним. А разговор тот был дюже важный, и говорить о нем лучше с глазу на глаз.

– Лады, – согласился Юрий Игоревич, – поговорим о том с глазу на глаз. Ты только скажи, будет нам подмога супротив Батыги или нет?

– Подмога будет, – последовал уверенный ответ, – князь Серегин даже сказал, что с Батыгой он будет биться вместе с нами или без нас, и землю нашу без подмоги не оставит, даже если ты, княже, отвергнешь его условия. Только тогда ты и сам станешь его врагом. Но ты и только ты – а не вся рязанская земля, жители твоего стольного града, или даже твои почтенная матушка княгиня Аграфена Ростиславна, невестка гречанка Евпраксия и внук Иван. Такой уж он человек – с холодными как лед глазами, горячим сердцем, железной хваткой и волчьими повадками.

Евпатий Коловрат говорил с такой убежденностью, что князь Юрий сперва невольно отшатнулся, будто увидел перед собой пропасть, потом вспомнил об осадившем Рязань воинстве хана Батыги и повлек воеводу за собою во внутренние покои, на ходу отдавая распоряжения, чтобы ему принесли сбитня, стоялых медов и разных заежек и чтобы не тревожили даже если войско Батыги немедленно пойдет на приступ. Чай, вои на забороле не совсем косорукие, и по первому разу как-нибудь отобьются. И в самом деле, боярин принес ему такие важные вести, а он говорит с ним на крыльце, будто не с воеводой, а с каким-то холопом.

Запершись с Евпатием Коловратом в самой дальней горнице терема, князь предложил ему испить с дороги горячего сбитню, после чего обстоятельно обсказать всю историю с самого начала, как она есть, ни о чем не умалчивая и ничего не выпячивая. Тот так и сделал. Потихоньку прихлебывая горячий сбитень, (у Серегина в гостях хорошо, а дома лучше) он расска-

зывал всю эту историю князю Юрию примерно часа два, не меньше. Князь слушал рассказ, хмурился, качал головой – уж очень все было необычно; задавал вопросы, потом снова слушал. Вопрос был сложный, и решать его с кондачка было невместно.

Евпатию Коловрату князь доверял безоговорочно. Воевода не был склонен ни к лишнему приукрашиванию, ни к лишнему очернению, и если он сказал, что войско у того князя Серегина дивно могучее, причем бабское – значит, так оно и есть. Князю сложно было представить войско, состоящее из одних девок-богатырок, но воевода вытащил из сумы стопку пергаментов с дивно четкими миниатюрами³¹, увидев которые, князь уже не мог оторваться от их созерцания. На большинстве из них и сам Евпатий, и вои малой дружины были запечатлены неведомым живописцем в компании чуть раскосых бронных и оружных богатырок, каждая ростом с коломенскую версту. На остальных картинках присутствовали эти же девицы, но в донельзя неприличной одежде – тонких светло-зеленых портах и такого же цвета то ли душегрейках, то ли рубахах без рукавов. Странно, но эта одежда на них совсем не выглядела по-срамному. Может быть, потому, что богатырки явно чувствовали себя в ней уверенно, кроме того, наряд этот не только не скрывал, но и подчеркивал как общую комплекцию этих чудных барышень, так и рельеф мускулатуры на их руках и ногах. Весьма впечатляющий рельеф – впрочем, ничуть не портящий женской красоты.

Раскосость среди девиц на Руси, кстати, не редкость. В княжких опочивальнях и наложницами, и законными женами перебивали и знатные половчанки, и печенежки, да и среди мордвы, которой еще много в рязанской земле, чернявые, раскосые и скуластые девки попадались часто, а как говаривал владимирский князь Всеволод Большое Гнездо, «с мордвой кумиться и миловаться хоть и приятно, но грешно». Большой был, видимо, специалист в деле милования да кумования. Удивление князя Юрия вызвали острые, стоячие как у лисичек, уши этих богатырок, ну и еще, быть может, то, что Евпатий Коловрат, считавшийся в Рязани весьма рослым мужчиной, самой низкой из богатырок своей макушкой едва доставал до плеча. Последнее изображение в стопке являло яркий диссонанс с предыдущим содержанием – голый, будто весь перекошенный, монгол, повешенный за шею на древе, с табличкой, прибитой к груди гвоздями.

– Гуюк-хан, – пояснил Евпатий Коловрат, – он был одним из тех, кто подстрекал Батыгу к убийству твоего сына Федора... Повешен Серегиным аки тать на древе за шею в назидание другим супостатам, дабы неповадно им было ходить войною на Русь. А буковицы на доске гласят, что тот кто войной к нам придет, тот сдохнет аки шелудивый пес под забором.

– Ах вот оно как? – медленно проговорил князь и размашисто перекрестился. – Прости, Господи, мя грешного, за дурные помыслы и намерения. Чужой князь мстит за мою кровиночку, бьется за Рязань не жалея сил, смертию казнит ворогов, а я удумал обман и измену. Горе мне, горе, несчастному...

– Ты, княже, так не убивайся, – принял весь этот спектакль за честную игру простодушный Евпатий Коловрат. – Как говорит князь Серегин – «задумку к делу не подошьешь». Ты лучше помысли, что да как устроить, чтобы спроворить победу над Батыгой, да людишек наших рязанских положить на брани как можно менее. А то земля наша лесиста да болотиста, народишку мало, и оттого в рязанском войске каждый вой на счету.

– Да ведаю я о том, – махнул рукой князь, – видно, и в самом деле придется идти нам под руку твою Серегина. Князь владимирский Юрий Всеволодович тож прислал весть, что не

³¹ Магофотоаппарат на досуге «сконструирован» Димой Колдуном для Анны Струмилиной, дабы та могла запечатлеть самые яркие моменты похода по мирам. Комплектуется «картами памяти» хранящими по несколько тысяч изображений и при помощи мага с соответствующим талантом способен «печатать» эти изображения на любом материальном носителе: стекле, фарфоре, металле, бумаге, пергаменте, шелке, полотне и т.д. Если маг-фотоувеличитель впридачу к магическим талантам обладает еще и даром художника, то он может различным образом редактировать или корректировать это изображение.

пойдет к Рязани со всей своей силой, а будет ждать супостата у Коломны, и с ним же князь Коломенский, мой плямяш Роман Игоревич...

– Вот видишь, княже, – покачал головой воевода, – каждый князь только о своей земле печется, и Батыга будет ломать нас по одному, как прутики, выдернутые из голика³²; а бы ли бы мы все вместе, под одной рукой князя князей с единым войском – так и смеялись бы над Батыем, как над псом, который похотел воспарить в небесах аки сокол. Весь голик, одним махом, никакой Батыга переломить не сможет, надорвется и издохнет.

– Так-то оно так, – вздохнул Юрий Игоревич и повелел позвать на семейный совет в дальнюю горницу своего племянника Олега Ингваревича по прозвищу «Красный», то есть красивый, свою матушку Аграфену Ростиславну, княжну смоленскую, а также свою вдовую невестку гречанку Евпраксию с годовалым сыном Иваном. После гибели своего мужа в ставке Батыга молодая княгиня была убита горем, поэтому князь Юрий Игоревич очень жалел свою красивую невестку и опасался, что она наложит на себя руки. А ведь она принесла в семью самое ценное – внука мужеска пола, который потом, когда-нибудь, мог бы сесть на рязанский стол, или, если Серегин осуществит свои планы о введении прямого престолонаследия вместо лестничной системы, князь Иван может сесть на место деда сразу после его смерти, потому что других потомков мужского пола у князя не было. Жена его Ярослава, в крещении Софья³³, после сына Федора родила ему четырех дочерей, крещеных как Ефросинья (16 лет), Ирина (12 лет), Евдокия (9 лет) и Пелагея (5 лет).

Старшая Ефросинья была уже совсем невестой, но князь никак не мог придумать, куда бы ее пристроить. Пограничное для русских земель Рязанское княжество не было ни особо богатым, ни особо влиятельным, ни особо сильным в военном отношении, поэтому особого спроса на тамошних невест не наблюдалось. Князь даже не мог сделать достойный вклад в монастырь, чтобы обеспечить дочери церковную карьеру, потому что финансов пограничному рязанскому княжеству вечно не хватало. То владимирцы прилежут с войной, то черниговцы, то мокша или эрзя, то болгары, то половцы, а на этот раз вот принесло Батыгу с его войском. Но если у отца нет денег на вклад в монастырь и нет женихов для того чтобы выдать дочерей замуж – не идти же девкам на речку с горя топиться...

На семейном совете было решено отправить женщин с маленькими детьми в безопасное место – то есть в тридевятое царство, тридесятое государство к князю Серегину. С ними же должна была отправиться и молодая жена князя Олега Красного Весняна-Гликерия с годовалым сыном Романом. Старшей над эвакуируемыми женщинами назначили старую княгиню Аграфену Ростиславну, при помощи Евпатия Коловрата выработав для нее целый ряд рекомендаций и инструкций. Узнав, что почти все воинство Серегина состоит из дев-воительниц, князь Юрий Игоревич решил, что чести и достоинству его домашних в тридевятом царстве ничего не грозит. Наивный чукотский мальчик... Нет, что касается чести и достоинства тут, конечно, без разговоров. И старые и малые, и юные жены, и юные вдовы будут находиться в полной безопасности во всех смыслах этого слова. Но вот что касается остальных соблазнов, так это еще вопрос. Ни одна даже самая суровая Аграфена Ростиславна не сможет уследить

³² Голик – метла из березовых прутьев для обметания снега.

³³ Если женщина не занималась политикой, то ее имя могло быть отражено только в церковных книгах, где записывались крещения, бракосочетания и смерти всех верующих – от черных крестьян до княжеских фамилий. Поскольку во время нашествия Батыга церкви и монастыри вместе со своими архивами горели в первую очередь, то из-за этого варварства до нас не дошел огромный пласт бытовой информации того времени. Члены семьи рязанского князя Юрия Игоревича, как и он сам, все до единого также погибли ужасной смертью при захвате монголами Рязани. Достоверно известно, что так и оставшаяся для нас безымянной жена рязанского князя примерно за двадцать лет до описываемых событий родила первенца Федора, после чего других детей у них с супругом не было. А если не было других сыновей, то дочери наверняка имелись, и как бы не в избыточном количестве. У других князей так же – история сохранила в большинстве своем имена сыновей и редко-редко где мелькнет дочь. На основании всего вышесказанного своим священным авторским произволом устанавливаю имена обозначенным выше членам княжеской семьи, оставшихся неизвестными и разделившими участь самой Руси, растоптанной и изнасилованной захватчиками.

за жизнерадостными и любопытными женщинами и отроковицами, попавшими из душного и мрачного княжеского терема в открытое солнцу и всем ветрам свободное общество, в котором женщина – это активное начало – труженица, творец и воительница, а не только дочь, жена и мать, чья задача только воспроизводство потомства. Кстати и пятидесятишестилетнюю Аграфену Ростиславну, как и тридцатисемилетнюю супругу князя Софью Михайловну, вполне и запросто могут соблазнить процедурой радикального омоложения. Какая женщина не мечтает вернуть свои шестнадцать или семнадцать лет, когда грудь была высока и упруга, щеки румяны, шея бела и гладка, а пухлые розовые губы сами собой складывались в загадочную и соблазнительную улыбку.

Таким образом, этот разговор затянулся почти до самого полудня, когда наконец опомнившийся Юрий Игоревич послал женщин собираться в дальнюю дорогу, а мужчинам приказал готовиться к серьезному разговору с князем Серегиным, который должен был явиться прямо в княжий терем в самое ближайшее время, что было тонким намеком на весьма толстые обстоятельства. И вправду, портал внутри княжьего терема открылся тогда, когда на женской половине не успела даже как следует разгореться суета сборов в дальнюю дорогу. На четверых взрослых женщин, двух младенцев и четверых детей и подростков собирали целый обоз с товарами – в первую очередь теплой одежды, хотя Евпатий Коловрат чистейшим древнерусским языком сказал им всем, что направляются они в страну вечного лета, где нужнее будут сарафаны, чем собольи шубейки. Но открылся он не там на женской половине, где бушевал вещевой самум, а прямо в той горнице, где рязанский князь, его племянник и Евпатий Коловрат попивали медок, обсуждая, сколько воев оставить внутри Рязани, а из скольких сформировать летучие (в буквальном смысле) отряды, чтобы вместе с воительницами Серегина наскаками рубить-крошить татарскую нечисть. Соответствующими заклинаниями, как утверждал Евпатий Коловрат, рязанских воев должны были обеспечить волшебники самого князя Серегина.

И вот вдруг через раскрывшийся портал в горницу шагнули сам Серегин, отец Александр, Ника-Кобра, лейтенант Гретхен де Мезьер и четверо хмурых амазонок из состава роты первого призыва в полной боевой экипировке десантников со штурмоносца; впрочем, и первые тоже были упакованы в ту же гибкую непробиваемую высокотехнологичную броню, позволяющую не бояться внезапного нападения. Но это было так, мера предосторожности на всякий случай, поскольку Серегин не верил, что в такой момент князь Юрий Игоревич пустится во все тяжкие. Но, как говорят друзья-мусульмане Автора: «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай».

Услышав царящий в тереме грохот, шум и гам, который могло бы производить целое стадо взбесившихся бабуинов, Серегин вопросительно посмотрел сперва на Евпатия Коловрата, а потом на хозяина терема. Мол, что, нукеры Бату-хана уже здесь и грабят терем? Может, мне свистнуть своих, чтобы они пришли и прекратили это безобразие?

В ответ воевода со вздохом рассказал про принятое князем решение отправить своих женщин в безопасное место и пояснил, что проще выдрессировать дикую лесную рысь, чем заставить бабу осмысленно и четко выполнять мужские распоряжения.

– Да?! – с удивлением приподнял одну бровь Серегин. – Не замечал. У меня женщины ведут себя вменяемо и вполне разумно, всегда делая то, что надо для дела, а не то, что им хочется.

Евпатий Коловрат в ответ на эти слова со вздохом покосился на рязанского князя, пожав при этом плечами. Мол, каков поп, таков и приход. А сам князь с завистью глянул на замерших как изваяния амазонок, чьи лица не выражали ничего, кроме холодного равнодушия, да и сопровождавшие Серегина Ника-Кобра с Гретхен, в которых явно угадывались высокопоставленные особы, тоже не изъясляли желания суетиться и закатывать истерики.

Серегин оценивающе посмотрел на рязанского князя Юрия Игоревича.

– Эвакуация это хорошо, просто замечательно, – задумчиво произнес он, – только в этот план надо внести маленькие коррективы и эвакуировать не только княжеское семейство, а убрать из города вообще всех некомбатантов, то есть лиц, которые не в состоянии сражаться с врагом. С одной стороны, эвакуация должна быть абсолютно добровольной, с другой стороны, необходимо в обязательном порядке поместить в безопасное место всех женщин и детей. Все же армия Бату-хана еще очень сильна, и возможно, что Рязань придется сдать, превратив в огненную ловушку. Но в таком случае, если выживут люди, выживет и сама Рязань. Ведь город – это не стены и дома, которые можно отстроить заново, это в первую очередь люди, а женщины и дети – это будущее стольного града Рязанской земли...

Рязанский князь пожал плечами. Мол, он был бы совсем не прочь убрать из города всех путающихся под ногами гражданских, но кто же будет платить за этот банкет, который явно влетит в копеечку. В рязанской казне денег нет. Все ушло на снаряжение войск для битвы на реке Воронеж. При этом выражении крайнего меркантилизма Евпатий Коловрат только укоризненно покачал головой. Не по-людски это было и не по-христиански. А быть может, у рязанского князя Юрия и на самом деле в казне не было денег...

В ответ на это Серегин ответил, что за банкет заплатит он, ведь мы же, мол, союзники и вообще, чай, не такие подонки, чтобы мерить человеческие жизни, особенно жизни женщин и детей, звоном золотых и серебряных монет. А чтобы князь не чувствовал себя обделенным, то и пребывание его собственного семейства в тридевятом царстве, тридесютом государстве тоже пройдет за счет принимающей стороны. Услышав эти слова, Евпатий Коловрат облегченно вздохнул. Ведь ему, пусть даже одному из ближних к князю бояр, до этой минуты никто не предлагал укрыть своих родных и близких в безопасном месте.

А Юрий Игоревич после слов Серегина возрадовался, как тот самый иудей, нашедший шекель, подумав, что легко обдурил на деньги заморского князя. А тот, в свою очередь, подумал, что дурак этот князь Юрий Игоревич, и уши у него немые. Ведь люди пойдут не за тем, кто разукрашен как петух и умеет красиво говорить, а за тем, кто в минуту настоящей опасности спас и их самих, и их семьи. Короче, каждый остался доволен сложившимся положением. Один сэкономил золото, а другой зарабатывал авторитет у рязанцев, которые, как любые жители фронта, легко могли отличить блестящую обманку от настоящего, пусть даже и тусклого золота.

Дальнейшие обсуждения касались плана будущей кампании. Серегин еще раз повторил, что у него не так много войска, чтобы рисковать им в прямом столкновении с Батыем. Только жалающие удары кружащих по лесам смешанных отрядов, которые не дадут осаждающим ни минуты покоя, и одновременно – сокрушение вражеской силы на стенах Рязани. Пока эти стены целы, один воин, стоящий наверху на забороле, равен десяти или двадцати воинам внизу, под стеной и валом, которые неприятелю еще надо преодолеть под градом камней и ливнем кипятка и расплавленного смоляного вара. При этом за то, что монголам не удастся построить и пустить в ход осадные машины и тараны Серегин ручался. Строители из самих монголов просто никакие, а если им еще и мешать, то все и подавно выйдет для Бату-хана весьма печально.

На том и договорились. Рязанский князь отправился подгонять своих женщин быстрее собираться, пообещав, что сделает все для того, чтобы общая эвакуация гражданского населения началась уже на следующее утро, а Серегин вчерне и по-деловому обговаривал с Евпатием Коловратом тактику действий летучих отрядов. Не стоило забывать и о тех двух монгольских туменах, потрепанных, но отнюдь не разгромленных и не побежденных, которые в настоящий момент двигались на соединение с основным монгольским войском под Рязанью. И судьба одного такого тумена, которым командовал знаменитый темник Бурундай, должна была как раз решиться этой ночью, а для того Серегину требовалось, как можно скорее закончив эти переговоры, вместе с Никой-Коброй и отцом Александром перемещаться в другое место.

Кстати, насколько Серегину при первой встрече понравился Евпатий Коловрат, в котором он почуял родственную душу, настолько же рязанский князь вызывал ощущение какой-то легкой нечистоты. Уж слишком он при каждом действии старался выгадать для себя лично, зачастую забывая, что кроме своих личных интересов и интересов семьи, его должно заботить благополучие вверенных его попечению людей. Этого у него почти не было, как и заботы о Руси в целом. Вот тут-то Серегин по настоящему осознал, что главным в его работе в этом мире будет не разгром Батыева войска, благо тактика отработана на аварах и ее надо только чуть-чуть дополнить и улучшить. Главное будет повыкорчевать отовсюду эдаких самовлюбленных эгоистов, заменив их людьми типа Александра Невского, готовых ради общерусских интересов и смирить гордыню, и забыть прошлые обиды. И уж точно готового биться впереди своих войск, а не бежать с поля боя как только станет очевидна неудача.

Поэтому, как только в горницу ввели женщин, закутанных в сорок одежек так, что они были похожи на каких-то меховых снеговиков, Серегин не сказал им ни слова; увидят, куда попали – сами начнут раздеваться как солдат по команде «сорок секунд отбой». Он лишь приказал амазонкам остановить и не пущать десятка два мамок, нянек и прочих приживалок, тащивших за княгинями и княжнами целые охапки набитых шмотками мешков, баулов и каких-то узлов, сказав, что все необходимое гости получают от принимающей стороны.

Как только амазонки, непринужденно сдернув с плеча самозарядки «Мосина» с примкнутыми штыками, оттеснили «провожающих» в угол горницы, Серегин открыл портал, приглашая «отъезжающих» пройти на «ту сторону». При этом по лицам амазонок, угрюмо смотрящих на мамок и нянек, можно было легко прочесть, что этих закормленных тупых ленивых свиноматок они готовы и стрелять, и колоть невзирая ни на какие лица. Исключение было сделано только для пятерых худых и затравленных девочек-подростков, по которым сразу было видно, что это именно они делают здесь всю основную работу, а все прочие мамки и няньки просто отбывают синекуру.

Часть 22

23 декабря 1237 Р.Х. День двенадцатый. 03:55. Рязанское княжество, река Истья, где-то в районе современного поселка Панинская слобода, пепелище славянской веси, ночная стоянка тумена темника Бурундая

Неласковой была эта декабрьская ночь для монгольского тумена. Очередное славянское селение оказалось брошенным местными жителями. Причем перед уходом его сожгли. Воздух был насыщен запахом гари, а кое-где еще тлели угли. Мелкие отряды «белых мангусов», окружившие тумен, были подобны разъяренным пчелам, что роем окружают покусившегося на их мед медведя. Они не давали монголам развернуться в широкий веер для того чтобы изгоном пройти по этой земле, собирая полон и запасы фуража с таких вот деревенок. Засады неуловимых отрядов одетых в белое призраков вынудили темника свернуть изгон в общую походную колонну.

Удельный город рязанского княжества Ижеславль, который был назначен его главной целью, также оказался брошенным и сожженным. Лишь ветер гулял на пепелище, да вороны с тоскливыми криками носились над догорающими развалинами. Темник, узрев столь безрадостную картину, пожегся от недобрых предчувствий. Пожиться здесь явно было нечем; леса же вокруг вымершего города буквально кишели местными воями и ополченцами, а также злыми «белыми мангусами», с легкостью истребляющими десятки и наносящими тяжелый урон целым сотням. Короткий звук «бздынь» – и несколько десятков болтов, описав стремительную пологую дугу от опушки леса до монгольского разъезда, втыкаются в живые человеческие тела; причем ни панцирь, ни щит не являлись достаточно надежной защитой от их чуть притупленных бронебойных наконечников.

Поиски стрелков в лесной чаще обычно не увенчивались успехом. Выпустив единственный залп из самострелов, те тут же вставали на свои короткие лыжи и растворялись под пологом леса. Как правило, это были местные вои или ополченцы, которым «белые мангусы» давали свое оружие и белые одежды, но бывало, что монгольские разъезды натывались на группы высоких всадников в белом – и тогда после залпа из самострелов следовала стремительная атака и ожесточенная рубка баш на баш, оставляющая после себя только мертвых и умирающих, после чего мангусы снова исчезали в неизвестности, чтобы потом появиться в другом месте.

Из-за этих мелких стычек еще две недели назад полнокровный тумен в десять тысяч всадников понес невосполнимые потери. Более трети его состава было убито в боях или умерло в обозе от тяжелых ран, и при этом тумен не достиг почти ничего. Полону взять не удалось, ибо те урусуты, которых получилось прижать там, где невозможно было скрыться (в основном при сопровождении обозов, вывозящих зерно и фураж), дрались насмерть и живыми в руки монголов не дались. То небольшое количество зерна, овса и сена, что удалось при этом добыть, давно было проедено самим туменом, кони которого теперь были вынуждены глотать древесную кору.

Бурундай, как всякий инициативный и талантливый командир, прекрасно понимал, что продолжать в таких условиях выполнение предыдущего задания бессмысленно, и направил свой тумен на соединение с основными силами. При этом он рассчитывал частично реабилитироваться, проходя через еще не разоренную³⁴ другими темниками часть Рязанской земли. Но он жестоко просчитался. Белые мангусы и присоединившиеся к ним местные не принимали боя на монгольских условиях, заставляя тумен идти по выжженной безлюдной земле. Там монголам не удавалось найти никакой добычи, зато у каждого камня подкарауливалась внезапная

³⁴ Поскольку никакой связи между туменами не было, то о разгроме тумена Субудай-багатура Бурундаю было неизвестно.

смерть в виде арбалетного болта, вылетевшего из засады, или наскока неистовых «белых мангусов» и их рязанских союзников, тоже умеющих лихо рубить наотмашь.

Но так как тумен Бурундая до минимума сократил разъезды, высылаемые в стороны и вперед по ходу движения, то была вероятность, что его ядро в целостности и сохранности доберется до основных сил Бату-хана. А это Серегин хотел предотвратить любой ценой. Даже того монгольского войска, которое уже осаждало Рязань, было многовато для того, чтобы разделаться с ним одним ударом, а тут еще и Бурундай. Именно поэтому, едва переправив семью рязанского князя в мир Содома, Серегин, Кобра и отец Александр предприняли меры для полного уничтожения тумена.

Для этого было решено использовать доставшуюся Серегину вместе с танковым полком самоходную гаубицу 2С1. К гаубице прилагалось три осколочно-фугасных снаряда, два из которых планировалось использовать для пристрелки, а третьему, с наложенной на него Коброй и отцом Александром печатью Хаос-Порядок, мощностью около двух килотонн в тротиловом эквиваленте, предстояло поставить окончательную точку в существовании этого монгольского войскового соединения. Как уже говорилось, своими зверствами против мирного населения монголы поставили себя вне рамок цивилизованной войны, и даже отец Александр и Анна Струмилина не возражали теперь против применения по ним магического аналога оружия массового поражения.

Чтобы избежать неприятных побочных последствий – таких как риск потери устойчивости печати и ее срабатывания прямо при выстреле – накладывать ее на снаряд было желательно прямо на месте за считанные минуты до применения. Мертвая металлическая болванка, набитая изнутри тротилом – это вам не живой человек, на энергетику которого можно замкнуть подпитку заклинаний, поддерживающих стабильность наложенной на него печати. Именно поэтому никому и в голову не пришло накладывать такие бинарные печати на магические мины, риск самоподрыва которых к исходу первых суток приближался к ста процентам. Один только Хаос или один только Порядок ведут себя намного более предсказуемо, зато и мощность бинарных боеприпасов настолько же выше, насколько хуже их стабильность.

Поэтому после полуночи на позицию в четырех километрах от Пронска и в тринадцати километрах от цели была выведена одна самоходная гаубица и машина старшего офицера первой батареи старшего лейтенанта Шарипова. Одновременно в пяти километрах от цели вблизи вершины одного из холмов, откуда прекрасно наблюдался монгольский лагерь, заняла свою позицию командно-штабная машина командира той же батареи капитана Маркова, в обязанности которого входила артиллерийская разведка. Вместе с разведчиками на наблюдательный пост напросился и Велизарий, которому захотелось новых горизонтов бытия и расширения восприятия мира. Ночь стояла ясная, но безлунная и морозная. Видимость была миллион на миллион, так что операции ничего не препятствовало.

Некоторое время у артиллерийских офицеров ушло на привязку к наблюдаемым ориентирам и производство предварительных расчетов. Потом самоходная гаубица в полной ночной тишине тяжело харкнула осколочно-фугасным снарядом. Вспышка выстрела полным зарядом и весьма нехарактерный для тринадцатого века звук были прекрасно видны и слышны в Пронске. Описав баллистическую кривую на пределе дальности, снаряд упал на окраине монгольского лагеря, убив и ранив до десятка устроившихся на отдых монгол и изрядно напугав остальных. Капитан Марков выдал поправку, добавив два деления по дальности и убрав одно деление по направлению, после чего снаряд второго выстрела лег у противоположной окраины временного становища. Пора было стрелять тем самым последним снарядом, а то еще Бурундай поймет, что это жу-жу-жу неспроста, и прикажет своим башибузукам разбежаться.

Тем временем отец Александр и Кобра склонились над вскрытым снарядным ящиком, положив голые руки на гладкую серую, чуть теплую после мира Содома, поверхность самого обыкновенного осколочно-фугасного снаряда калибра 122-миллиметра, разработанного еще в

достославном 1938 году для гаубицы М-30. Минут пять спустя они разогнулись, а на сером боку снаряда, постепенно остывая, сиял серебристо-белый с ало-желтым знак инь-ян, говорящий о том, что печать наложена и теперь надо действовать по схеме «цигель-цигель, ай люлю». Увидев, что со снарядом все готово, боевая лилитка, исполняющая обязанности заряжающего с грунта³⁵, ловко подхватила снаряд и через задний люк отправила его внутрь боевого отделения штатному заряжающему орудия. Минуту спустя, когда в самоходке сыто чавкнул досылатель, туда же была отправлена и гильза с зарядом.

Третий выстрел прозвучал точно так же, как и два предыдущих; за двадцать пять секунд полета бешено вращающийся снаряд сперва взобрался на высоту шести с половиной километров, и уже оттуда, как с крутой снежной горы, стремительно покатился вниз. Удар об землю почти в самой середине монгольского лагеря привел в действие взрыватель, настроенный на мгновенное осколочное действие. В ту микросекунду, когда стенки снаряда зазмеились множеством огненных трещин, магическая печать оказалась разрушена, энергии Хаоса и Порядка вырвались на свободу и вступили между собой в непримиримое аннигилирующее противодействие.

Результат оправдал ожидания. Второе солнце, что величаво, в полной тишине, поднималось среди ночи в темное небо, постепенно остывая и подергиваясь дымкой, видели и в Пронске, и в Рязани, и в Переяславле-Рязанском, и в Коломне; и даже в далеких Москве, Твери и Владимире люди могли наблюдать на горизонте грозное и необъяснимое зрелище, от которого брала оторопь. Горожане, повысовывавшись из окон, неистово крестились в суеверном страхе, вознося молитву Честному кресту. До Пронска звук взрыва и ударная волна докатились через пятьдесят секунд, до Переяславля-Рязанского за две минуты, до Рязани за две с половиной, до Коломны почти за шесть, а Москва, Тверь и Владимир услышали отдаленное ворчания разбуженного Зверя из Бездны почти через одиннадцать минут.

Наибольшее впечатление от происходящего получили капитан Марков и его расчет артиллерийских разведчиков, находящиеся в партере этого спектакля и своими глазами наблюдавшие срабатывание магического ОМП. По причине небольшого расстояния до эпицентра их неплохо приложило ударной волной. Мат-перемат, истерический смех и прочие слюни – короче, реакция у капитана Маркова и его подчиненных была парадоксальной. Один Велизарий, отряхнувшись от снега, остался смущен и задумчив. О том, что почувствовали в момент нанесения по ним тактического плазменного удара Бурундай и его подчиненные, история умалчивает по причине превращения всех этих персонажей в горстку раскаленного пепла, тут же вознесенного к небесам и развеянного по ветру. Еще одним монгольским туменом на русской земле стало меньше.

При этом установленные на машине артиллерийских разведчиков приборы противоатомной разведки остались к этому взрыву презрительно-равнодушны, помимо небольшой порции ионизирующего гамма-излучения, не зафиксировав ни разносимых ветром радиоактивных изотопов, ни альфа– или бета-частиц. Да и откуда было там взяться этим изотопам и различным частицам, если из печати высвободилась чистая энергия, на сто процентов превратившаяся в световое излучение и ударную волну.

³⁵ Два дополнительных заряжающих с грунта на каждый расчет не входили в штат мирного времени и должны были поступить в части только во время войны по мобилизации. При этом история и умники из генштаба СССР умалчивают о том, как должны были выкручиваться советские части за границей, которым некого было мобилизовать и которые в свою очередь должны были принять на себя первый удар полностью отмобилизованных профессиональных армий НАТО.

* * *

**Сто девяносто шестой день в мире Содома. Около полудня. Зброшенный город в Высоком Лесу, он же тридевятое царство, тридешатое государство
Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов**

Ну, удружил Сергей Сергеевич так удружил. Подкинул княжий выводок из четырех девиц от пяти до пятнадцати, а к ним – тридцатисемилетнюю мамашу и пятидесятишестилетнюю бабу, мать рязанского князя, чем-то похожую на школьную директрису моих школьных лет, на гербе которой было начертано «Держать и не пуцать». В качестве бесплатного приложения к этому семейству шли две молоденькие женщины. Одна была княжьей невесткой Евпраксией, вдовой ее сына Федора, убитого по приказу Батыя на переговорах, вторая, по имени Весняна-Гликерия³⁶ – женой его племянника Олега Красного³⁷, в смысле красивого.

Впрочем, эта особа, на руках которой было годовалое создание по имени Роман, никаких особых опасений мне не внушала. Нормальная смешливая конопатая молодая женщина, вполне себе в тонусе и влюбленная в своего мужа-красавчика, даром что настоящая княгиня. И я была потрясена, узнав о том, что случилось с этой семьей в нашей истории. Сергей Сергеевич, перед тем как ускакать по очередным делам, успел шепнуть мне, что все прибывшие к нам на временный постоя, кроме младенца Романа, при взятии монголами Рязани претерпели от них мученическую смерть.

³⁶ В те времена, когда христианство уже укоренилось на Руси внешне и уже активно проникало в самую сердцевину русского духа, детям, как правило, давали два имени. Одно общеизвестное, славянски-языческое, для повседневного употребления, и другое, христианское, даваемое при крещении, обычно греческого происхождения. Зато уже следующие поколения пользовались только христианскими именами с небольшой добавкой из числа славянских имен, вошедших в святцы вместе с соответствующими русскими православными святыми. Таким образом, Весняна – это славянско-языческое имя, данное родителями за то, что девочка родилась в разгар Весны, а Гликерией ребенка назвал батюшка, просмотрев соответствующую этому дню страницу святцев. Тоже ничего имечко, означающее «сладкая» или «сахарная».

³⁷ Здешние русичи вообще народ очень красивый, и чтобы заполучить такое прозвище, молодой князь должен быть таким писанным красавцем, чтобы по нему сохли все девки разом во всем княжестве, а не только те, что живут с ним в одном тереме и на соседней улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.